
A.D.
1907
ДОМАШНЯЯ БИБЛІОТЕКА Г.В.ЮДИНА

ГОРЬКАЯ СУДЬБИНА

ДРАМА

ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ

А. ПИСЕМСКАГО

Изданіе Д. Е. Кожанчикова

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

1860

ГОРЬКАЯ СУДЬБИНА

ДРАМА

ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ

ГОРЬКАЯ СУДЬБИНА

ДРАМА

ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ

А. ПИСЕМСКАГО

Изданіе Д. Е. Кожанчикова

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

1860

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ.

С.-Петербургъ, 27 ноября 1859 г.

Ценсоръ *В. Бекетовъ.*

ВЪ ТИПОГРАФІИ И. И. ГЛАЗУНОВА И КОМП.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Чегловъ-Соковинъ—молодой помѣщикъ.

Золотиловъ, зять его — помѣщикъ пожилыхъ лѣтъ и уѣздный предводитель дворянства.

Калистратъ Григорьевъ—бурмистръ Чеглова-Соковина.

Ананій Яковлевъ—оброчный мужикъ Соковина, промышляющій въ Петербургѣ.

Лизавета—жена Ананья Яковлева.

Матрена—мать Лизаветы.

Баба Спиридоньевна—сосѣдка Матрены.

Дядя Никонъ—задѣльный мужиченко.

Шпрингель—губернаторскій чиновникъ особыхъ порученій.

Исправникъ.

Стряпчій.

Сотскій.

Мужики: Михайло Федоровъ; выборный; Давыдъ Ивановъ; молодой парень; кривой мужикъ; рябой мужикъ; понятые; бабы.

Дѣйствіе происходитъ въ деревнѣ Соковина.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Хорошая крестьянская изба. Въ переднемъ углу столъ, накрытый бѣлой скатертью, и на немъ хлѣбъ съ солью и образкомъ.

ЯВЛЕНІЕ I.

СТАРУХА МАТРЕНА сидитъ на одной лавкѣ, а на другой БАБА СПИРИДОНЬЕВНА.

Спиридоньевна (*глядя въ окно*).

Не видать, баунька... ничуть еще!

Матрена.

Ну гдѣ еще чуть! Поди, чай, дорога-то переметенная, да передутая, все лошадкѣ-то въ упоръ... прутъ, чай, шагомъ.

Спиридоньевна.

Да кто, баунька, стрѣшникомъ-то къ нему поѣхалъ?

Матрена.

Кто стрѣшникомъ?... на чужой ужъ, мать, подводѣ поѣхали; дядя Никонъ, спасибо, поохотился, нанялся за четвертачекъ, да чтобы пивца тамъ испить, а то хоть плачь: свой-то, вонъ, песъ работникъ другую недѣлю заѣхалъ на мельницу и не ворочаетъ.

Спиридоньевна.

А Лизавета-то, баунька, поѣхала?

Матрена.

Поѣхала... женнино тоже, мать, дѣло: какъ было не стрѣтить... о, Господи, Господи... грѣхи наши тяжкіе, свѣты наши темные.

Спиридоньевна (*осклабляясь*).

Опасается она, поди, баунька, его шибко?

Матрена.

Какъ бы, кажись, мать, не опасаться! человѣкъ этакой изъ души гордый, своебышный... Сама вѣдаешь, родителю своему... и тому, что ни есть... покориться не захотѣлъ, бросивши экой домъ богатый да привольный, чтобы только не быть ни подъ чьимъ началомъ, пошелъ въ наше семейство сиротское, а теперь, самъ собою раздышамшись, поди, чай, еще выше себя полагаетъ.

Спиридоньевна.

Какъ не полагать! Можетъ, мнѣніемъ своимъ, сударыня, выше купца какого нибудь себя ставитъ. Сказывали тоже наши мужички, какъ онъ блюдетъ себя въ Питерѣ: изъ званія своего никого, почесть, себѣ и равнаго не находитъ... то же вотъ въ трактиръ когда придетъ чайку испить, такъ который мужичекъ побѣднѣй да попростѣй, съ тѣмъ, пожалуй, и разговаривать не станетъ; а вѣдь гордость-то, баунька, тоже врагъ человѣческій... можетъ, за нее теперь Богъ его и наказуетъ: вдругъ теперь экую шутку брякнутъ ему...

Матрена.

Да, эку штуку брякнутъ... Можетъ, и жизни ея не пощадитъ: не мало я надъ ней, псовкой, выла; слезъ-то ужъ ажно не хватаетъ: «вотъ, говорю, Ананій Яковличъ изъ Питера съѣдетъ; какъ намъ, злодѣйка, твое дѣло ему сказывать!» «Чтожъ, говоритъ, маменька, не твое горе, я въ грѣхѣ, я и въ отвѣтѣ».

Спиридоньевна.

А ребенокъ-то гдѣ, баунька? зыбки-то, словно, не видать.

Матрена.

Въ горенку перенесла; вчерасяткось цѣлый день съ работницей оттапливала; мнѣ-то ни слова не

голчитъ, а вѣстимо ради того, чтобы не такъ ужъ оченно прямо кинулся въ глаза Ананью Яковличу.

Спиридоньевна.

Знаетъ ужъ онъ, чай, баунька... поди, еще въ Питерѣ разболтали ему: хорошее-то слово лежитъ, а дурное-то бѣжитъ.

Матрена.

Нѣту, родимушка, нѣту; тоже кто вотъ изъ землячковъ пойдетъ, пытала я молить да кланяться, чтобы не промолвились о томъ. Опасно тоже было: человѣкъ еще молодой, живетъ въ Питерѣ, услышамши про свое экое приключеніе, пожалуй, и самъ съ круга свернетъ... Не пожалѣла она, злодѣйка, ни моей старости, ни его младости!

Спиридоньевна.

То, баунька, хоть бы съ себя теперь взять, — бабы еще не перестарокъ: добро бы она въ наготѣ, да въ нищетѣ жила, такъ бы на деньгу кинулась, а то, ну-ко, въ холѣ да въ довольствѣ жила да цвѣла.

Матрена.

Народомъ это, мать, нынче стало, больно сталъ не крѣпокъ нынѣ народъ: и мужчины и женщины. Я вотъ безъ Ивана Петровича... Семь годковъ онъ въ тѣ поры не сходилъ изъ Питера... почти что

бобылкой экіе годы жила, такъ и то: лѣто-то лѣтенски на работѣ, а зимой за скотинкой, да за пряжей умаешься да упаришься, — ляжешь, живота у себя не чувствуешь, а не то, чтобы о худомъ думать.

Спиридоньевна.

Это, баунька, что? кто Богу хоть-бы этимъ не противенъ, царю не виноватъ; я сама, грѣшница великая, въ дѣвкахъ вину имѣла, такъ вѣдь то дѣло: не съ кѣмъ другимъ, съ своимъ же братомъ парнемъ дѣло было; а тутъ, ну-ко, съ бариномъ... какъ только смѣлости ея хватило... и говорить-то съ ними, по мнѣ — и то стыдобушка!

Матрена *(махнувъ рукой)*.

Не знаю, кто ужъ съ кѣмъ у нихъ заговаривалъ... глупая да старая тоже нынѣ стала... Этта вотъ по осени болѣсть-то эта со мной была, такъ и остатки все иззабыла, а тоже помню, какъ онъ въ тѣ поры впервые въ избу къ намъ прошелъ... Я на голбцѣ лежала, соскочила. «Здравствуйте, говорю, ваше благородіе!» А Лизунька-то что-то у печки тутъ возилась. «Здравствуй, говоритъ, старуха,» и прямо къ ней. «Твоими бы руками, Лизавета, надо золотомъ шить, а не кочергами ворочать. Ишь, говоритъ, какая ты разхорошая», а она, песъ, стоитъ да ухмыляется ему. Я съ глупа тоже поклонилась еще ему: «Благодаримъ, говорю, ба-

тюшко, покорно, за ваше ласковое слово...» съ этой, что-ли, поры у нихъ и пошло, — прахъ ихъ знаетъ!

Спиридоньевна.

Много у нихъ мѣста-то, баунька, и безъ твоей избы было. Въ позапрошлую жниву барская помочь была, коли помнишь... баринъ цѣлый день деньской у Лизаветы съ полосы не сошелъ, — все съ ней разговаривалъ.

Матрена (*разводя руками*).

Ну вотъ!

Спиридоньевна (*продолжая*).

Да, а тутъ, какъ пошабашили, народъ тоже подпилъ: дѣвки да бабы помоложе, мало еще, кобылы экія, на полосѣ-то уходились, стали пѣсни пѣть и въ горѣлки играть. Глядь, а баринъ къ нимъ присталъ: прыгаетъ, какъ козелъ, и все становится съ твоей Лизаветой въ парѣ и никакъ ладитъ, чтобъ никто ее не поймалъ. Дивовали, дивовали мы въ тѣ поры. «Чтой-то, молъ, это, матоньки мои, баринъ-то ужъ очень больно Матренину Лизавету ласкаетъ?»

Матрена.

Ничего я, мать, не знала и не вѣдала... Слѣпъ, видно, материнской-то глазокъ на худое въ дѣткахъ... Какъ бы не у матери родной, а у свек-

рови злой жила, такъ не посмѣла бы этого сдѣлать. Хошь тоже спасибо и добрымъ людямъ: подвели, можетъ, да подстроили...

Спиридоньевна.

Одинъ у васъ, голубонька, добрый человѣкъ, злодѣй нашъ бурмистръ Калистратъ Григорьичъ; вся деревня голоситъ теперь о томъ, не зажмешь рты-то. Кому теперь, окромя его, наустить господина на женщину замужнюю, и теперь, ну-ко, этими своими услугами да послугами такую надъ нимъ силу взялъ, что на удивленье: пьяный да безобразный, говорятъ вонъ дворовые, съ праздника откѣдова пріѣдетъ, не то, чтобы скрыться отъ барскихъ глазъ, а только то и оретъ во все горло: «мнѣ-ста баринъ все одно, что младшій братъ, что я, говоритъ, задумаю, то онъ и сдѣлаетъ...» Словно, мать, колдовство какое надъ нимъ сотворилъ, правотка!

Матрена.

Ну, матушка, мудреное-ли это колдовство: человѣкъ умный, богатый да лукавый! Въ тѣ поры, какъ съ злодѣйкой-то моей это послучалось, онъ приходитъ ко мнѣ: «Матрена, говоритъ, у тебя баба безъ мужа понесла, мотри, чтобы она надъ собой, али надъ ребенкомъ чего не сдѣлала, ты за то отвѣчать будешь.» Я такъ, мать, и ах-

нула, ничего того не думаючи и не вѣдаючи, а она, псовка, и входитъ на эти слова. Я было накинулась на нее, а онъ на меня затопалъ. «Не трожь, говоритъ, ее, самъ баринъ про то знаетъ, и простилъ ее».

Спиридоньевна (*взглянувъ въ окно*).

Ѣдутъ, баунька, ѣдутъ!..

Матрена.

Ну — вотъ, слава-тѣ, Царица Небесная! Стать было: съ хлѣбомъ и съ солью тоже стрѣтить охота. (*Беретъ со стола хлѣбъ и становится противъ дверей*).

Спиридоньевна (*продолжая глядѣть въ окно*).

Рядомъ, баунька, Ананій-то Яковличъ съ Лизаветой сидятъ. На-ка, глянь, подъ руки ее высадилъ; таково ласково: ничего еще, сердешный, видно, не знаетъ!

ЯВЛЕНІЕ II.

ТѢ ЖЕ, АНАНІЙ ЯКОВЛЕВЪ (въ сибиркѣ хорошаго сукна), **ЛИЗАВЕТА и ДЯДЯ НИКОНЪ** (съ кисой на плечѣ).

Дядя Никонъ.

Вотъ тѣ, баушка купца питерскаго привезъ. У

меня лошадь важная: сто пудовъ вали на нее, свезетъ... вѣрно!

Ананій Яковлевъ.

(*Сначала помолился передъ образомъ, потомъ поклонился три раза матери въ ноги и, приложившись къ иконѣ, поцѣловался съ ней*).

Матрена.

Здравствуй, батюшка, соколъ ясный.

Дядя Никонъ.

Кланяйся, братъ Ананій Яковличъ, и мнѣ въ ноги, сдѣлай и мнѣ это почтеніе (*беретъ отъ Матрены хлѣбъ съ солью*).

Ананій Яковлевъ (*слегка улыбаясь*).

Чтожъ, отчего? можемъ-съ! (*кланяется дядѣ Никону въ полспины, потомъ цѣлуется съ нимъ*).

Дядя Никонъ.

Вотъ это, братъ, такъ... ладно... стариковъ, братъ, уважай... На стариковскомъ, значитъ, разумѣ свѣтъ держится, аки на китахъ рыбахъ — вѣрно!

Ананій Яковлевъ (*женѣ*).

Возьмите ужъ и вы-съ!

(*Лизавета, конфузясь, беретъ хлѣбъ съ солью; Ананій Яковлевъ кланяется ей въ ноги и потомъ цѣлуетъ ее*).

Матрена (*толкая дочь*).

Поклонись, дура, сама-то ему въ ноги! (*Лизавета кланяется, Ананій Яковлевъ поднимаетъ ее и опять цѣлуетъ*).

Спиридоньевна (*жеманно*).

Здравствуйте, батюшка, Ананій Яковличъ, какой нарядный да хорошій стали! Какъ живете, можете?

Ананій Яковлевъ.

Ничего-съ: по маненьку, Богъ грѣхамъ терпитъ... (*къ дядѣ Никону*) одолжите, пожалуйста, на минуточку кису-то.

Дядя Никонъ (*сбрасывая съ плеча кису*).

Нате вотъ вамъ черта-борова какова... Дѣвки и бабы... значитъ... иди сюда, лапки! всѣмъ будутъ подарки.

Ананій Яковлевъ (*вынимая изъ кисы драдедамовый платокъ и подавая его матери*).

Пожалуйте-съ!

Матрена (*цѣлуя его въ локоть руки*).

Ай, батюшка, благодарствую, красавецъ мой брилліантовый.

Спиридоньевна.

Ну вотъ, баунька, настоящій тебѣ старушичій: къ лицу будетъ... очённо пойдетъ.

Матрена.

Нешто, мати!... наряжаютъ да ублажаютъ меня, а я, старая, и поблагодарить-то неумѣю, какъ хорошенько.

Ананій Яковлевъ (*вынимая изъ кисы кусокъ шелковой матеріи и подавая его женѣ*).

Это для васъ теперь... пожалуйте-съ! (*Лизавета молча беретъ и цѣлуетъ у мужа руку*).

Спиридоньевна (*разсматривая съ завистью подарокъ Лизаветы*).

Вона, мать, гарнитуры-то какіе: мы и не видывали здѣсь этакихъ. На-ка, и бархатцу-то на оторочку привезъ. Словно кукла нарядная, будешь ходить у насъ въ шелкахъ да бархатѣ.

Ананій Яковлевъ (*Спиридоньевнѣ*).

А васъ, извините на томъ, не чаялъ здѣсь захватить... позвольте, по крайности, хоть полтинничкомъ поклониться (*даетъ ей полтинникъ*).

Спиридоньевна.

Ой, чтой-то, судырь-батюшка!... очённо вамъ благодарна (*цѣлуетъ у него руку*).

Дядя Никонъ.

А мнѣ дляче красной шапки не привезъ?—ужъ, братъ, не ладно, — право!

Ананій Яковлевъ.

Нынѣ народъ-то прозорливъ сталъ: и безъ красной шапки понимаютъ человѣка.

Спиридоньевна.

Ужъ именно, судырь!... можетъ, наскрозь видятъ, кто каковъ есть человѣкъ.

Матрена (*зятю*).

Садись, батюшка, за столъ-то; (*дочерѣ*) поди тамъ, вынимай изъ печи-то, что тамъ есть. (*Спиридоньевнѣ*). Анна Спиридоньевна! потрапезуй, матка, съ нами. (*Дядѣ Никону*). Полно, старый хрѣнъ, болтаться-то тутъ тебѣ, словно мотовило. Залѣзай въ переднiй-то уголъ.

Дядя Никонъ (*садясь*).

Залѣзъ, баушка! Я тѣ водки привезъ, ей-Богу! Шельма твой Анашка, питерскій вѣдь кулакъ, распоясалъ мошну на одинъ полштофъ, да и думаетъ: баста! Нѣтъ, братъ, говорю, шалишь! Съ тетки Матрениными пирогомъ еще надо водку пить! (*Вынимаетъ изъ кармана полуштофъ и гладитъ его*). Вотъ оно, благословлёное-то мое!... Вынимай, баушка, ковши да ендовы!

Матрена (*ставя изъ шкафчика небольшіе стаканы*).

Пьешь и стаканчиками, нынѣ вино-то дорогое! (*Всѣ садятся за столъ, Лизавета подаетъ щи и свѣжинину*).

Ананій Яковлевъ (*женѣ*).

Чтожъ, садитесь и вы! Маменька позвольте имъ-съ! Давно тоже мы рядкомъ-то съ ней не сиживали.

Матрена (*дочерѣ*).

Садись!

Дядя Никонъ (*первый наливаетъ и пьетъ*).

Здравія желаемъ, съ похмѣлья умираемъ: нѣтъ ли гривенъ шести, душу отвести...

Матрена (*Спиридоньевнѣ*).

Анна Спиридоньевна, выпей, матушка!

Спиридоньевна.

Ой нѣтъ, баунька, не охота что-то.

Матркна.

Да полно, чтой-то! Ты попригубь, такъ, можетъ, и понравится.

Спиридоньевна (*выпивая*).

Съ Успеньева дни, мать, не пила. Да сама-то ты выпей, хозяюшка почтенная!

Матрена.

О, полно-ко, мать, какая ужъ я пивица. (*Къ зятю.*) Ты самъ-то, батюшка, не выпьешь ли хоть передъ хлѣбомъ-то съ солью?

Ананій Яковлевъ.

Нѣтъ-съ, благодарю, не имѣю той привычки.

Дядя Никонъ.

Вотъ Лизунька такъ выпьетъ, потому самому... съ радости... мужъ пріѣхалъ, веселѣй, значитъ, принимать его будетъ: вино, значитъ, теперь духъ человѣку даетъ, — вѣрно!

Ананій Яковлевъ.

Пошто имъ пить. Что это за глупыя рѣчи: скучно даже слушать!

Спиридоньевна.

Что, батюшко, Ананій Яковличъ, вологодскимъ трактомъ, чай, изволили ѣхать?

Ананій Яковлевъ.

Нѣтъ-съ, какое тутъ вологодскій?! Пустое дѣло это нынче трактъ сталъ: почесть, что заброшенъ! Теперь чугунка народу тысячи по три за разъ везетъ, и словно птица летитъ: верстъ по тридцати въ часъ уходитъ.

Матрена и Спиридоньевна *(въ одинъ голосъ).*

Ой, батюшки, чтой-то? Будто ужъ и по тридцати верстъ?

Ананій Яковлевъ.

Это еще не такъ оченно много... такъ какъ, значитъ, дѣло это еще у насъ внове: такъ опасаются тоже маненько; а что въ иностранныхъ земляхъ она и шибче того ходитъ; и теперь, хоша бы на счетъ времени, этимъ большое сбереженье... значитъ, и на харчахъ барышъ; бока тоже не наломаетъ; сидишь, словно въ комнатѣ, не тряхнетъ, не вальнетъ: штука отмѣнная-съ!

Дядя Никонъ.

Это, братъ, я знаю... видалъ... теперь тысяча человѣкъ ѣдетъ... махина съ домъ... а лошадей четверка только везетъ, ей-Богу!... потому самому дорога гладкая... по этому... по шоссѣ идетъ...

Ананій Яковлевъ *(нѣсколько потупивтись).*

Никакой тутъ лошади нѣтъ-съ... ни единой... А ежели и есть какая, такъ ее самоё везутъ... Вы это, можетъ, дилижанецъ видали, а чугунка другое дѣло: тутъ паръ дѣйствуетъ.

Спиридоньевна.

Да какъ же это, батюшки, паръ-то? Онъ у

насъ токмо что въ банѣ и естетка, да горшки имъ парить умѣемъ.

Матрена.

Дошелъ, видно, нынче народъ до всего.

Дядя Никонъ.

И это, братъ, знаю, что ты говоришь, и то знаю!... А вы ужъ: ахъ, ихъ, ухъ!... и дивуютъ!... Прямыя бабы, право! Митюшка кузнецъ, значитъ, нашъ досконально мнѣ все предоставилъ: тутъ не то что выходитъ паръ, а нечистая, значитъ, сила... ей-Богу, потому самому, что ажно ржетъ, какъ съ мѣста поднимаетъ; тяжело, значитъ, съ разу съ мѣста поднять. Нѣмецъ теперь, выходитъ, самаго дьявола къ своему дѣлу пригналъ, на-ка, говоритъ, чертъ — дьяволъ этакой, попробуй, повози!

Спиридоньевна.

Ой полноте, чтой-то, все чертыкаетесь: нашелъ мѣсто за столомъ.

Дядя Никонъ.

Ей-Богу, такъ, курносая! А ты что думала; я больше его знаю; что онъ бахвалитъ?

Ананій Яковлевъ (*солидно*).

Никакого тутъ дьявола нѣтъ, да и быть не можетъ. Теперь даже по морской части, хошь-бы эти паруса али греблю, какъ напредь того было,

почесть, что совсѣмъ кинули, такъ какъ этимъ самымъ паромъ стало не въ примѣръ сподручнѣе дѣло дѣлать. Поставятъ, спокойнымъ манеромъ, машину въ нутро корабля; она вертитъ колеса, и какая ни на есть тамъ буря, ему ни почемъ. Какъ теперича сталъ вѣтеръ крѣпчать, развели огонь посильнѣе, и пошелъ скакать съ волны на волну.

МАТРЕНА.

Ничего, мать-Спиридоньевна, мы, вѣкъ-то съ тобой изживучи, не увидимъ.

СПИРИДОНЬЕВНА.

Какія ужъ мы, баунька, видальщицы; только на осины да на березы и гляди, сколько хошь... Вона Лизавета, поди-чай, побываетъ съ мужемъ въ Питерѣ, наглядится на все!

АНАНІЙ ЯКОВЛЕВЪ.

Дляче имъ не побывать!... можетъ быть, даже нынѣшнимъ годомъ этотъ случай приладимъ. Чѣмъ чужую кухарку нанимать, такъ лучше своя будетъ.

ЛИЗАВЕТА (*вспыхивая*).

Гдѣ ужь намъ, судырь, въ Питеръ ѣхать: женщины мы деревенскія, не бывалыя, и глядѣть по тамошнему не умѣемъ, а не то, что говорить.

АНАНІЙ ЯКОВЛЕВЪ.

Чтожъ вы такъ себя оченно низко ставите; а

какъ мы тоже Питеръ знаемъ, такъ вамъ надо быть тамъ не изъ худыхъ; а, можетъ, изъ самыхъ лучшихъ; по крайности я такъ, по своему къ вамъ расположенію, понимаю.

Дядя Никонъ.

Ты, Анашка, меня, значитъ, въ Питеръ возьми, ей-Богу, такъ! потому самому... я тѣ всѣ документы представить могу. Меня, можетъ, токмо што въ деревнѣ родили, а въ Питерѣ крестили — вѣрно! Теперь баринъ мнѣ, значитъ, говоритъ: «Никашка, говоритъ, пошто ты, старый песъ, свои старыя кости въ задѣльи ломаешь — шелъ бы въ Питеръ». «Давайте, говорю, ваше высокородіе, тысяча цѣлковыхъ, а какой я теперича человѣкъ, значитъ, безъ денегъ... какіе артикулы могу представить, али фасоны эти самые... и не могу».

Ананій Яковлевъ.

Въ Питерѣ-то и безъ вашихъ денегъ много въ кабакъ уходитъ. (*Обращаясь къ Спиридоньевнѣ*). Опять теперь Анна Спиридоньевна на счетъ того же пару...

Спиридоньевна.

Да, да, батюшко, голубчикъ; поговори-ка о хорошемъ; больно повадно твои умныя рѣчи слушать-то.

Ананій Яковлевъ.

Ни одной, почесть, фабрики нѣтъ безъ него. На другую, можетъ, прежде народу требовалось тысячи двѣ, а теперь одна эта самая машина только и дѣйствуетъ; какіе тамъ станы есть, али колеса, все одна ворочаетъ: страсти взглянуть, когда вотъ тоже случалось видать, и человѣкъ двадцать какихъ-нибудь суется промежъ всего этого, и то больше для чистоты.

Дядя Никонъ.

Ты, теперече, Анашка, говоришь машина... что что такое значитъ машина?

Ананій Яковлевъ (*не обращая на него вниманія*).

Начальство теперь на счетъ только того въ сумнѣніи находится, что дровъ оченно много требуется... лѣса переводятся... ну такъ тоже землю этакую нашли... болотину, значитъ, съ разными этакими кореньями, пнями въ ней... все это самое пресуютъ, сушатъ, и она горѣть можетъ! Каменный уголь тоже изъ иностранныхъ земель идетъ, и тѣмъ большое подспорье для лѣса дѣлаютъ.

Дядя Никонъ.

Ты не можешь знать, что такое машина, потому самому — ты человѣкъ торговый, а человѣкъ

мастеровой, значитъ, знаетъ это. Ты теперича знаешь Николу Морскаго?

Ананій Яковлевъ (*улыбаясь*).

Какъ не знать-съ: церковь извѣстная.

Дядя Никонъ.

Я теперича эту самую, значитъ, колокольню щекотурилъ. Теперича, значитъ, машина сейчасъ была не въ своемъ видѣ, я... трахъ... упалъ... саженъ сорокъ вышины было... баринъ тутъ изъ военныхъ сейчасъ былъ: «приведите, говоритъ, его, каналью, въ чувство» и сейчасъ привели... онъ мнѣ два штофа водки далъ, я и выпилъ.

Спиридоньевна.

Какъ тя, стараго хрыча, всего не расшибло: съ этакой вышины кувыркнулся.

Ананій Яковлевъ.

Вѣрно-ли вы разстояніе-то промѣряли?... а то словно бы, кажись, какъ съ сорока-то саженъ человѣкъ слѣтитъ, такъ водки не захочетъ.

Дядя Никонъ.

О, чортъ, дьяволъ-право! не захочетъ?... захотѣлъ же! Вотъ и теперь выпью — вѣрно! (*Пьетъ*). Въ главнокомандоческомъ тоже домѣ графа Милорадыча въ залѣ, съ двойнымъ просвѣтомъ, карнизъ выводили, такъ тоже надо было, паря, каждую штуку потрафить. Я какъ теперича на гла-

зомѣръ прикинулъ, такъ и ставь тутъ: вѣрно будетъ.

Ананій Яковлевъ.

Всему дѣлу, выходитъ, уставщикъ вы были?

Дядя Никонъ.

Былъ, братъ, я всѣмъ... теперича, что такое значитъ мастеровой человѣкъ али купецъ?... Я теперича свое дѣло въ своемъ видѣ представить долженъ.... А что теперича торговый?... Торговый человѣкъ... на вотъ тебѣ, значитъ, на грошъ говядинки купилъ, а на гривну продалъ... торговый человѣкъ, значитъ, плутъ!

Ананій Яковлевъ.

За што же вы такъ все званіе порочите: мы тоже мѣста имѣемъ; разъ обманулъ, такъ другой и брать не станутъ.

Дядя Никонъ.

Не станутъ, да! Что такое теперь, значитъ, купецъ? мыльный пузырь! — трахъ! ткнулъ его пальцемъ и нѣтъ его! А мастеровой человѣкъ... Графу Милорадычу теперь надо коляску изготовить, платье себѣ изпошить, супругѣ твоей подаркомъ какую-нибудь вещь сдѣлать — мастеровой человѣкъ и будь готовъ, сейчасъ команда: «пошелъ во дворецъ», и являйся.

*

Ананій Яковлевъ.

Нѣтъ-съ, это словно бы не такъ! Торговый человѣкъ завсегда долженъ паче себя наблюдать, чѣмъ мастеровой. У насъ теперь, по нашей разносной торговлѣ, можетъ, праздника Христова нѣтъ, все мы передъ публикой на глазахъ быть должны, а мастероваго человѣка мы тоже знаемъ: шесть дней поработалъ, а седьмой, пожалуй, и въ кабакѣ за бочкой проваляется!

Дядя Никонъ.

Никогда этого не можетъ быть. Я теперича мастеровой человѣкъ; а ужъ бабѣ меня не надуть, — шалишь! (*всѣ бабы блѣдніютъ; Никонъ тянется за водкой.*)

Спиридоньевна (*не давая ему*).

Полно-ко, полно, старый песъ, и то ужъ налопался: говоришь, не знаемо что.

Матрена.

Шелъ бы, батюшко — старичекъ, домой... тоже умаялся, чай, съ дороги. Изъ кушанья ничего ужъ больше не будетъ, извини на томъ!

Дядя Никонъ (*не обращая ни на кого вниманія*).

У меня теперь, слава тѣ Господи, полна изба ребятъ, а все мои, все Никонычи, какъ разъ такъ

пригнано — вѣрно! а у торговаго человѣка, можетъ... да... торговому, видно, во всемъ отъ баръ счастье, и тутъ лишняя копѣйка даромъ перепала.

Ананій Яковлевъ.

Къ чему же это вы рѣчь вашу такую клоните? Мудрено что-то ужъ оченно заговорили.

(*Лизавета и Матрена сидятъ, какъ полумертвыя*).

Спиридоньевна.

О, мелево, мелево и есть человѣкъ! За хозяйскимъ кушаньемъ сидитъ, хозяйское вино пьетъ, а только обиды экія говоритъ, — глупая башка этакая!

Дядя Никонъ.

Что-жъ сидитъ? Я и встану... (*встаетъ изъ-за стола*). За что онъ теперь сердце мое раздражаетъ? Что онъ за человѣкъ теперь выходитъ, коли я однимъ словомъ его оконфузить могу?

Ананій Яковлевъ.

Какое же это слово такое, чтобъ оконфузить меня?

Дядя Никонъ.

Слово — да! Что ты купецъ али генералъ?.... барскій своякъ ты и больше ничего... чей у тебя ребенокъ, ну-ко, говори!... въ томъ, значитъ, только и счастье твое, что твоя коренная у бари-

на на пристяжкѣ пошла, право, черти, дьяволы экіе! (*уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ III.

ТѢ ЖЕ безъ НИКОНА.

АНАНІЙ ЯКОВЛЕВЪ (*стремительно вставая изъ-за стола*).

Фу, ты, Господи, Твоя воля! за что этотъ человѣкъ облаялъ, обнесъ тебя экими словами?

СПИРИДОНЬЕВНА (*струся*).

Пора, однакоче, домой. Прощай, баушка, Матрена; прощай, Лизавета Ивановна; прощайте батюшко, Ананій Яковличъ!

АНАНІЙ ЯКОВЛЕВЪ (*торопливо*).

Прощайте-съ! (*Спиридоньевна уходитъ*).

АНАНІЙ ЯКОВЛЕВЪ (*тещѣ*).

Что это, маминька, за слова его были?

МАТРЕНА (*помолчавъ*).

Ну, батюшко, изволилъ, чай, слышать.

АНАНІЙ ЯКОВЛЕВЪ.

Про какого онъ это тутъ ребенка болталъ?

МАТРЕНА.

Можетъ статься, про Лизаветина паренька говорилъ.

Ананій Яковлевъ (*поблѣднѣвъ*).

Про какого это Лизаветина паренька?

Матрена.

Паренекъ у нея... полутора мѣсяца теперь.

Ананій Яковлевъ.

А!! дѣло-то какое.... (*матерѣ*). Теперь, маминька, значитъ, повыдьте маненько.

Матрена.

Помилуй, батюшко, ты ее хоть сколько-нибудь; накажи ты ее сколько хошь много: пускай песъ этакой хошь годъ-годенской пролежитъ. Не лишай ты только ее жизни, не ради ея самое, злодѣйки, а ради своей головушки умной да честной. (*Кланяется ему въ ноги*).

Ананій Яковлевъ (*поднимаетъ ее*).

Нѣтъ, ничего-съ... пожалуйте только, повыдьте-съ.

ЯВЛЕНІЕ IV.

АНАНІЙ ЯКОВЛЕВЪ и ЛИЗАВЕТА.

(*Нѣкоторое время продолжается молчаніе. Ананій Яковлевъ смотритъ Лизаветѣ въ лице; та стоитъ, опустивъ глаза въ землю*).

Ананій Яковлевъ.

Что-жъ это вы тутъ понадѣлали, — а?

(*Лизавета молчитъ.*)

Ананій Яковлевъ.

Говорите же! отвѣчайте хоша что-нибудь.

Лизавета.

Что мнѣ говорить?... никакихъ я супротивъ васъ словъ не имѣю. Какая есть ваша воля надо мной, такая и будетъ.

Ананій Яковлевъ (*усмѣхаясь злобно*).

Гмъ... воля моя! (*пріосанившись*) Съ кѣмъ же это, выходитъ, любовь ваша была?

Лизавета.

Никонъ Семенычъ говорилъ вамъ. Что-жъ? Слова ихъ справедливыя были.

Ананій Яковлевъ.

Ничего я его глупыхъ словъ не понялъ. (*Опять молчаніе*)... Онъ тутъ про барина что-то болталъ.

Лизавета.

А кто же окромя ихъ?... они самые.

Ананій Яковлевъ.

Да, такъ вотъ оно куды пошло... Въ высокое же званье вы залѣзли!

Лизевета.

Не по своей то волѣ было: тогда тоже стали повелѣнья и приказанья эти дѣлать, какъ было ослушаться?

Ананій Яковлевъ.

Какія же это могли быть повелѣнья и приказанья? Ежели теперича, какъ вы говорите, силой васъ къ тому склоняли... что же мать ваша — потатчица смотрѣла? Вы бы ей сейчасъ должны были объявленіе сдѣлать о томъ.

Лизавета.

Ничего мамонька про то не вѣдала; могла ли я, ради стыда одного, говорить имъ про то. Только бы ихъ подъ гнѣвъ подвела. Какая могла отъ нихъ помощь въ томъ быть?

Ананій Яковлевъ.

Ахъ ты, лукавая бестія! Коли ты теперича такъ мало чаяла помощи въ твоей матери, дляче-жъ мнѣ не описала про то? Это дѣло столь, значитъ, дорого и чувствительно для души моей, что я, можетъ, бросимши бы все въ Питерѣ, прискакалъ сюда честь мою соблюсти... и теперь тоже, сколь ни велика господская власть, а все таки имъ, какъ и другимъ прочимъ постороннимъ, не позволено того дѣлать. Земля наша не безсудная: коли бы онъ теперича какія притѣсненія сталъ дѣлать, я, можетъ, и до начальства дорогу нашелъ — чтожъ ты мнѣ, бестія, такъ ужъ оченно на страхъ-то свой сворачиваешь, какъ бы сама того страмовшица, не захотѣла!

Лизавета (*начиная плакать*).

Ни на што я не сворачиваю, а что здѣсь тоже живучи, что мы знаемъ? стали стращать, да пужать, что все семейство наше чрезъ то погибнуть должно: на поселенье тамъ сошлютъ, а либо васъ, экаго человѣка, въ рекруты сдадутъ. Думала, чѣмъ собой другихъ подводить, лучше на себѣ одной все перенесть.

Ананій Яковлевъ (*ударивъ себя въ грудь*).

Молчи ужъ, по крайности, змѣя подколодная! не раздражай ты еще пуще моего сердца своими пустыми рѣчами!... только духу моего теперь не хватаетъ говорить съ тобою, какъ надо: хотя бы и было то, чего ты, вишь, оченно ужь испугалась, меня жалѣючи, такъ и то бы я легче вынесъ на душѣ своей: люди живутъ и на поселеньяхъ, и въ солдатахъ, по крайности я зналъ бы, что имя мое честное не опозорено, и ты, бестія, на чужомъ ложѣ не безчестена!

(*Лизавета продолжаетъ плакать*).

Ананій Яковлевъ (*начавъ ходить по избѣ*).

То мнѣ теперича горчѣй и обиднѣй всего, что, можетъ, по своей глупой заботливости, ни дня, ни ночи я не прожилъ въ Питерѣ, не думаючи

объ васъ; а мы тоже время свое проводимъ не въ монастырскомъ заточеніи: хоша бы по той же нашей разносной торговлѣ все на народѣ; нашлись бы тамъ не хуже тебя, криворожей, изъ лица; а обращеньемъ, пожалуй, и чище будутъ... за какіе нибудь три цѣлковыхъ на худое-то съ тобой бы пошли, такъ я и то — помысломъ моимъ, а не то, что дѣломъ, — не хотѣлъ вниманья на то имѣть, помня то, что я человѣкъ семейный и христіанинъ есть!

Лизавета.

Жимши за экія дальнія мѣста, экіе годы, станете ли безъ бабы жить. Какъ я могла то знать?

Ананій Яковлевъ.

Нѣтъ, ты знала это, шельма безстыжая! Коли бы я теперича на сторонѣ какое баловство имѣлъ, развѣ я сталъ бы такъ о домѣ думать? Кажись, ни письмами, ни присылами моими забыты не были. О послѣдней сохѣ писалъ и спрашивалъ: есть-ли она, да исправлена-ли?

Лизавета.

Голова моя не съ сего дня у васъ все повинна и лежитъ на плахѣ: хотите—рубите ее, хотите—милуйте.

Ананій Яковлевъ.

Твоя вишь повинна, а ты чужую взяла да съ плечъ срѣзала, и, какъ по чувствамъ моимъ, ты

теперь хуже дохлой собаки стала для меня: мать твоя справедливо сказала, что, видишь, вонъ на столѣ этотъ ножъ, такъ я бы, можетъ, вонзилъ его въ грудь твою, какъ бы не жалѣлъ еще маненько самого себя; какой нибудь теперича дуракъ—сродственникъ вашъ, мужиченко—гроша не стоющій, могъ меня обнести своимъ словомъ, теперь ступай да кланяйся по всѣмъ избамъ, чтобы взглядомъ косымъ никто мнѣ не намекнулъ на дѣянья твои, и все, что кто бы мнѣ ни причинилъ, я на тебѣ, бестіи, вымѣщать буду, потому что ты тому единая причина и первая, значитъ, злодѣйка мнѣ выходишь... Ну, нюнить еще!... пока не бьютъ и не тиранятъ, сколь ни достойна того... Въ жизнь свою, Господи, никогда не чаялъ такой срамоты и поруганья... Ну-ко, сказывай, придумывай-ка, что тутъ дѣлать, бестія ты этакая (*садится за столъ и закрываетъ лице руками. Молчаніе*).

Ананій Яковлевъ (*вставая*).

Одного стыда людскаго теперь обѣгаючи, за неволю на себя все примешь, и по крайности для чужихъ глазъ сдѣлать надо, что ничего аки бы этого не было: ребенокъ, значитъ, мой и ты мнѣ пока жена честная! Но ежели что, паче чаянія, у васъ повторится съ бариномъ, такъ легче бы

тебѣ... слышишь ли : голосъ у меня захватываетъ... легче бы тебѣ , Лизавета , было не родиться на бѣлый свѣтъ... Кому другому , а тебѣ пора знать, что я за человѣкъ : ни тебя , ни себя , ни вашего поганаго отродья не пощажу , такъ ты и знай то!... это мое послѣднее и великое тебѣ слово !...

ЯВЛЕНІЕ V.

ТѢ ЖЕ и РАБОТНИЦА.

Работница (*пріотворивъ двери, заглядываетъ въ избу*).

Лизавета Ивановна, поди, мать, покорми ребенка-то грудью , а то соски никакъ не беретъ : совала, совала ему... окоченѣлъ ажно , плакамши. (*Ананій Яковлевъ вздрагиваетъ* ; *Лизавета не трогается съ мѣста*).

Ананій Яковлевъ.

Что жъ ты сидишь тутъ? Ну ! еще привередничаетъ , шкура ободраная ! Сказано тебѣ мое рѣшенье — пошла ! (*Лизавета молча уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ VI.

Ананій Яковлевъ (*ударивъ себя въ грудь*).

Царь небесный только видитъ, сколь, значитъ, вся внутренняя моя теперь облилась кровью черною!...

(*Занавѣсъ падаетъ.*)

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Деревенскій помѣщичій кабинетъ.

ЯВЛЕНІЕ I.

ЧЕГЛОВЪ-СОКОВИНЪ, худой и изнуренный, въ толстомъ байковомъ сюртукѣ, сидитъ, потупивши голову, на диванѣ. Развалясь въ креслахъ, помѣщается ЗОЛОТИЛОВЪ, здоровый, цвѣтущій, съ нѣсколькими ленточками въ петлицѣ и съ множествомъ брелоковъ на часахъ.

Золотиловъ.

Какъ ты хочешь, другъ любезнѣйшій, а я никакъ не могу уложить въ своей головѣ, чтобы изъ за какой нибудь крестьянки можно было такъ тревожиться.

Чегловъ (*съ горькой усмѣшкой*).

Чтожъ тутъ непонятнаго?

Золотиловъ.

А то, что подобныя чувства могутъ внушать только женщины равныя намъ, которыя смотрятъ одинаково съ нами на вещи, которыя, наконецъ, могутъ понимать, что мы говоримъ. А тутъ что? Какъ и чѣмъ какая нибудь крестьянская баба могла наполнить твое сердце?... Отъ нихъ, любезный, только и услышишь: « ахъ ты мой сердешненькій, ахъ ты мой милесинькій!... » Отцы наши, бывало, проматывались на цыганокъ, но тѣ, по крайней мѣрѣ, женщины страстныя, а, вѣдь, наша баба колода неотесаная: къ ней съ какой хочешь относись страстью, она преспокойно въ это время будетъ ковырять въ стѣнѣ мохъ и думать, подаришь ли ты ей новый платъ; и въ подобное полуживотное влюбиться?

Чегловъ (*съ досадой*).

Чтожъ ты мнѣ все этой любовью колешь глаза? Какое бы не было тамъ въ началѣ мое увлеченіе, но во всякомъ случаѣ я привыкъ къ ней, и наконецъ я честный человѣкъ: мнѣ, Богъ знаетъ, какъ ее жаль, видя, что обстоятельства располагаются самымъ страшнымъ, самымъ ужаснымъ образомъ.

Золотиловъ.

Ничего я въ твоихъ обстоятельствахъ не вижу ни страшнаго, ни ужаснаго.

Чегловъ.

А мужъ теперь пришелъ: кажется, этого достаточно!

Золотиловъ.

Чтожъ такое, что пришелъ?

Чегловъ.

Какъ что такое? Ты послѣ этого отнимаешь у этихъ людей всякое чувство, всякой смыслъ? Долженъ же онъ узнать?

Золотиловъ.

Ну, и узнаетъ, и очень еще вѣроятно будетъ доволенъ, что господинъ приласкалъ его супругу.

Чегловъ (*дѣлаетъ нетерпѣливое движенiе.*)

Это вы бываете довольны, когда у васъ берутъ женъ, кто повыше васъ, а не мужики.

Золотиловъ.

Да... ну, я этого не знаю. Во всякомъ случаѣ, если бы твой риваль даже и разсердился немного, ну поколотитъ ее, можетъ быть, разъ, другой.

Чегловъ.

Не говори такъ, Бога ради, Сергѣй Васильичъ; къ больнымъ ранамъ нельзя такъ грубо прикасаться. У меня тутъ наконецъ ребенокъ есть, моя плоть, моя кровь: поймите вы чтохэто по край-

ней мѣрѣ и пощадите во мнѣ хоть эту сторону. (*Подходитъ и пьетъ водку*).

Золотиловъ.

Что-жъ такое ребенокъ? Я и тутъ не вижу ничего, что могло бы такъ особенно тебя тревожить; вели его взять хоть къ себѣ въ комнаты, а тамъ поучишь, повоспитаешь его, сколько хочешь, запишешь въ мѣщане или въ купцы — и все дѣло кончено!

Чегловъ.

Въ томъ-то и дѣло, милостивый государь, что эта женщина не такова, какъ вы всѣхъ ихъ считаете: когда она была еще беременна, я, чтобъ спасти ее отъ стыда, предлагалъ было ей подкинуть младенца къ бурмистру, такъ она и тутъ мнѣ сказала: «нѣтъ, говоритъ, баринъ, я имъ грѣшна и потерпѣть за то должна, а что отдать мое дитя на маяту въ чужія руки, не потерпитъ того мое сердце.» Это подлинныя ея слова.

Золотиловъ.

Слова очень понятныя потому что отними ты у нея ребенка, и ваши отношенія всегда бы могли быть кончены; а теперь, напротивъ: мужъ тамъ побранитъ ее, пощелкаетъ, а она все таки сохранитъ на тебя право на всю твою жизнь. Я очень хорошо, повѣрь ты мнѣ, милый другъ,

знаю этотъ народъ. Они глупы только на барскомъ дѣлѣ, но слишкомъ хитры и дальновидны, когда что коснется до ихъ собственнаго интереса.

Чегловъ (*хватая себя за голову*).

Чувствуешь-ли, Сергѣй Васильичъ, какія ты ужасныя вещи говоришь и какимъ отвратительнымъ тономъ Тараса Скотинина?

Золотиловъ.

Я очень хорошо, любезный другъ, знаю, что тонъ мой не долженъ тебѣ нравиться; но что дѣлать? Я имѣю на него нѣкоторое право, какъ мужъ твоей сестры, которая умоляла меня, чтобъ я ѣхалъ образумить тебя.

Чегловъ.

Въ чемъ же вамъ угодно образумлять меня съ сестрой моей?

Золотиловъ.

Въ томъ, что ты страдаешь, Богъ знаетъ отчего. Взгляни ты на себя, на что ты сталъ похожъ. Ты изнуренъ, ты кашляешь и кашляешь нехорошо. Наконецъ, милый другъ, по пословицѣ: шила въ мѣшкѣ не утаишь, — къ намъ отовсюду доходятъ слухи, что ты пьешь. Я къ тебѣ пріѣхалъ въ одиннадцатомъ часу, а у тебя ужъ водка на столѣ стоитъ; ты вотъ при мнѣ пьешь третью рюмку, такъ намъ это очень грустно, и я убѣж-

денъ, что эта госпожа поддерживаетъ въ тебѣ эту несчастную наклонность, чтобы ловчѣй въ мутной водѣ рыбу ловить.

Чегловъ.

Что я пью, и очень много, это величайшая истина, но чтобы эта женщина поощряла меня къ тому, это новая, низкая клевета вашихъ барынь— вѣстовщицъ, — такъ и скажите имъ!

Золотиловъ.

То-то, къ несчастію, не клевета, а сущая истина, въ которой впрочемъ и обвинять тебя много нельзя, потому что, въ этой проклятой деревенской жизни, человѣку въ твоемъ возрастѣ, при твоемъ состояніи, съ твоимъ наконецъ образованіемъ, что тутъ и какое можетъ быть занятіе?

Чегловъ.

А какое-же, по вашему мнѣнію, я въ городахъ могъ бы найти себѣ занятіе?

Золотиловъ.

Во первыхъ ты долженъ былъ бы служить. Не дѣлай, пожалуйста, гримасы... я знаю всѣхъ васъ фразу на это: «служить-то бы я радъ, подслуживаться тошно!» Но это совершенный вздоръ. Все дѣло въ лѣности и въ самолюбіи: «Какъ-де я стану подчиняться, когда начальникъ не умнѣй, а,

может быть, даже и глупѣе меня!» Жить въ обществѣ по вашему тоже пошло, потому что оно, изволите видѣть, ниже васъ.

Чегловъ.

Дѣйствительно ниже!

Золотиловъ.

Положимъ такъ; но вотъ ты закабалился въ деревню; занялся-ли по крайней мѣрѣ хозяйствомъ тутъ?

Чегловъ.

Такъ хозяйничать, какъ вы, я не могу!

Золотиловъ.

Чтожъ ты можешь послѣ того дѣлать? Заниматься только любовью къ прекрасной поселянкѣ? но хуже всего, что и въ этомъ положеніи, когда оно начинаетъ тебѣ казаться нѣсколько щекотливымъ, ты, чтобы заглушить въ себѣ это, предался еще худшему пороку и, по твоему слабому здоровью, совершаешь надъ собой рѣшительное самоубійство... Не ты первый и не ты послѣдній изъ молодежи примѣръ тому, — повѣрь ты мнѣ: я вотъ теперь третье трехлѣтіе служу предводителемъ и на каждомъ шагу вижу, что какъ только дворянинъ приблизилъ къ себѣ подобную госпожу, изъ этого сейчасъ-же все является: и пьянство, и домосѣдство, и одичалость. Собственно говоря,

Господи Боже мой, ни я, ни сестра твоя ни слова не говоримъ про твою связь: имѣй ихъ хоть двадцать, но только смотри на это иначе.

Чегловъ *(съ горькой улыбкой).*

Какъ же это иначе, вотъ этого я не понимаю?

Золотиловъ.

А такъ, какъ всѣ смотрятъ. И чтобъ успокоить тебя, я приведу свой собственный даже примѣръ, хоть это и будетъ не совсѣмъ скромно: *(вполголоса)* я вотъ женатый человѣкъ, и въ лѣтахъ, а, можетъ быть, въ этомъ отношеніи тоже не безъ грѣха; однако чрезъ это ни семейное счастіе наше съ твоей сестрой не разстроено, ни я, благодаря Бога, не похудѣлъ, не спился, и какъ-то вотъ еще на дняхъ, такаго рода особа вздумала передъ женой носъ вздернуть, — я ее сейчасъ же ограничилъ: «знай сверчокъ свой шестокъ!»

Чегловъ.

Ну, вы можете смотрѣть и понимать, какъ знаете, а я смотрю.... постой, однако, тамъ кто-то есть... шороху каждаго боюсь — вотъ мое положеніе!... Кто тамъ?

ЯВЛЕНІЕ II.

ТѢ ЖЕ и БУРМИСТРЪ.

Бурмистръ *(показываясь).*

Я-съ это!

Чегловъ (*съ безпокойствомъ*).

А Калистратъ, здравствуй! что ты?

Бурмистръ.

Да такъ, ничего-съ, доложить только пришелъ:
Ананій Яковлевъ тамъ изъ Питера сошелъ.

Чегловъ.

Да, знаю! ну что же?

Бурмистръ (*почесавъ голову*).

Очецно ужъ безобразничаетъ. Баба-то со мной пришла: урвалась какъ-то...

Чегловъ.

Ахъ, да, позови ее (*хватаетъ себя за голову*). Господи, Боже мой!

Бурмистръ (*наклоняя голову за двери*).

Ступайте!... что? да ничего, полноте!

Чегловъ.

Что она?

Бурмистръ.

Робѣетъ войти-то... чужой, говоритъ, господинъ тутъ.

Чегловъ.

Ничего, Лиза, поди!... это братъ мой: онъ все знаетъ.

Золотиловъ.

Не стыдись, любезная, не стыдись... люди свои.

(*Лизавета робко показывается*).

Чегловъ (*дотрогиваясь до ея плеча*).

Ну, поди, садись; что твой злодѣй?

Лизавета (*садясь и опуская руки*).

Что, баринъ? Извѣстно что!

Чегловъ.

Что же такое?

Лизавета.

Собирается тиранить. Пропала, значитъ, моя головушка совсѣмъ, какъ есть!

Чегловъ.

Говорила ли ты ему на меня, что я во всемъ виноватъ?

Лизавета.

Говорила... пытала ему по вашимъ словамъ лгать: такъ развѣ вѣритъ тому?

Золотиловъ (*Лизаветѣ*).

Какимъ же это образомъ онъ тиранить тебя хочетъ? (*Чеглову*). Elle est très jolie.

Лизавета.

Не знаю, судырь... только то, что оченно опасно теперь; третью ноченьку вотъ не спимъ: какъ лютый змѣй сидитъ да глядитъ мнѣ въ лице: словно умертвить тебя собирается, — оченно опасно!

Чегловъ.

Это ужасно, ужасно!

Бурмистръ.

Какъ же это можетъ онъ сдѣлать? Владимірка-то у насъ указана про всѣхъ этакихъ — знаетъ то.

Лизавета.

Что ему то?... Кабы онъ былъ человѣкъ легкій: сорвалъ съ своего сердца, да и забылъ про то; а онъ теперь, коли противъ какого человѣка гнѣвъ имѣетъ, такъ онъ у него, какъ крапива садовая, съ каждымъ часомъ и днемъ растетъ да пуще жжётся.

Золотиловъ.

Скотина какая, скажите!

Чегловъ (*разводитъ только руками*).

Бурмистръ.

Это доподлинно такъ-съ. Человѣкъ эхидный; у насъ и вообще-то народъ грубый и супротивный, а онъ первый на то изъ всѣхъ изъ нихъ. Какой нибудь годъ тогда въ деревнѣ жилъ, такъ хоть бросай я свою должность: на міру слова не давалъ мнѣ сказать; все, чтобъ его слушались и по его дѣлали.

Лизавета.

Теперь главное то, баринъ, пужаетъ онъ меня, что въ Питеръ меня и съ младенцемъ увезти ла-

дитъ, а пошто мы ему?... чтобы мученья да притѣсненья терпѣть отъ него!

Чегловъ (*закидывая голову назадъ*).

Нѣтъ, я не допущу этого, суди меня Богъ, а я не допущу того!

Лизавета.

А мнѣ его ничего не жаль; онъ теперь говоритъ, что я ему хуже дохлой собаки стала, то забываючи, что какъ подъ вѣнецъ еще насъ вели, такъ онъ, може, былъ гля меня такимъ. По сиротству, да по бѣдности нашей сговорили да скрутили, словно живую въ землю закопали, и вся теперь ваша воля, баринъ: не жить мнѣ ни съ нимъ, ни при немъ... какая я теперь ему мужнина жена? (*Начинаетъ плакать*).

Бурмистръ.

Никогда онъ, коли паспорта выдано не будетъ, не можетъ увезти ни тебя, ни сына. Что тебѣ этимъ хоша бы себя и барина тревожить. За бѣглыхъ что ли онъ васъ предоставить хочетъ? вотъ тутъ другой помѣщикъ сидитъ, и тотъ тебѣ тоже скажетъ.

Золотиловъ (*Лизаветѣ*).

Разумѣется, не можетъ; и посмотри, какіе у тебя славные глаза, а ты плачешь и натрудняешь ихъ.

Лизавета.

Ой, судырь, до глазъ ли теперь!... какая ужъ ихъ красота, какъ, можетъ, и въ постелю ложимшись, и по утру встаючи, только и есть, что слезами обливаешься: другія вонъ бабы, что хошь, кажись, не потворится надъ ними, словно не чувствуютъ того, а я сама человѣкъ не переносливый: изныла всей своей душенькой съ самой встрѣчи съ нимъ... что-что хожу на свѣтѣ бѣломъ, словно шальная... подвалитъ подъ сердце — вздохнуть не сможешь, точно смерть твоя пришла! (*Продолжаетъ истерически рыдать*).

Чегловъ (*подходя и беря ее за руку*).

Послушай, не плачь, Бога ради.

Лизавета.

Какъ, баринъ, не плакать-то. Его теперь одно намѣренье, чтобы какъ ни на есть, а отлучить меня отъ васъ и при себѣ держать, а я не хочу того... не желаю... не хочу! Онъ мнѣ теперь, Богъ знаетъ, супротивнѣй чего выходитъ: хоша бы и на худое тогда шла всамотко не изъ подъ страху какого,—развѣ вы у насъ такой? Можетъ, какъ вы еще молоденькимъ-то сюда пріѣзжали, такъ я заглядывалась и засматривалась на васъ, и

сколь много теперь всѣмъ сердцемъ своимъ пристрастна къ вамъ и жалѣю васъ, сказать того не могу, и мое такое теперь намѣренье, баринъ... пускай тамъ, какъ собирается: ножемъ что ли рѣжетъ меня, али въ рѣкѣ топитъ, а мнѣ либо около васъ жить, либо совсѣмъ не быть на бѣломъ свѣтѣ: какъ хотите, такъ и дѣлайте то!

Чегловъ.

Знаю все, милая моя, все знаю... но я, видишь ли, я ничтожнѣйшее существо, я подлецъ! Господи, пошли мнѣ смерть! (*Всплескиваетъ руками и начинаетъ въ отчаяніи ходить по комнатѣ*).

Лизавета (*смотритъ на него съ испугомъ*).

Золотиловъ (*Чеглову*).

Чтой-то, помилуй, братецъ, будь же хоть сколько нибудь мужчиной... Смѣшно наконецъ на тебя смотрѣть.

Бурмистръ (*пожимая плечами*).

Седьмой десятокъ теперь живу на свѣтѣ, а такихъ господъ не привидывалъ, ей-Богу: мучаютъ, терзаютъ себя изъ-за какого нибудь мужика — дурака необразованнаго. Ежели позвать его теперь сюда, такъ я его при васъ двумя словами обрезоню. Вы сами теперь, Сергѣй Васильичъ, помѣщикъ и изволите знать, что мужику коли дать

поблажку, такъ онъ возьметъ ее въ двое. Что ему такъ очень въ зубы-то смотрѣть?... Досконально объяснить ему все, что слѣдуетъ, и баста: долженъ слушаться, что приказываютъ.

Золотиловъ (*пожимая плечами*).

Ей-Богу, не знаю... конечно ужъ если такъ, такъ лучше съ нимъ прямо говорить... какъ только это для нея будетъ?

Лизавета.

А что мнѣ, судырь, таиться передъ нимъ?... не желаю я того; а что тоже, можетъ, что не молвитъ Калистратъ Григорьичъ, коли баринъ сами ему поговорятъ, такъ онъ и поиспужается маненько.

Чегловъ.

Извольте, я готовъ... Я переговорю съ нимъ совершенно честно и откровенно. Сейчасъ же позовите его. Позови его, Калистратъ.

Бурмистръ.

Слушаюсь; ее-то по первоначалу надо убрать. Подите къ старухѣ моей, скажите, чтобъ она сбѣгала и послала его сюда, а сами хошь у насъ тамъ что-ли поспрятайтесь.

Лизавета (*вставая*).

Пробѣгу задами-то, не увидитъ. Прощайте, го-

лубчикъ-баринъ. (*Цѣлуетъ Чеглова и идетъ, но у дверей пріостанавливается*). Я, можетъ, ужототка, какъ за коровами пойду, такъ зайду сюда, а то не утерпитъ безъ того сердце мое.

Чегловъ.

Ну да, хорошо.

Лизавета (*Золотилову*).

Прощайте и вы, судырь.

Золотиловъ.

Прощай, прощай, моя милая. (*Лизавета уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ III.

Золотиловъ (*Чеглову*).

Elle est très jolie, vraiment... Что же однако вы съ этимъ господиномъ говорить будете?

Бурмистръ.

Говорить съ нимъ тò, что во-первыхъ онъ на деньгу человѣкъ жадный: стоитъ теперь ему сказать, что баринъ отпускаетъ его безъ оброка и тамъ, ежели милость еще господская будетъ: такъ какъ они на счетъ покосу у насъ всѣ очепно маются — покосу ему въ Филинской нашей дачѣ от-

вести, значитъ, и ступай съ Богомъ въ Питеръ— распоряжайся собой, какъ знаешь! а что на счетъ теперь хозяйки... такъ какъ у ней ребенокъ есть... баринъ не желаетъ, чтобы онъ куда отлученъ былъ отъ него... и кто теперь, выходитъ, окромя матери можетъ быть приставленъ къ своему дитю, и какимъ же манеромъ ему брать ее съ собой — невозможно-съ!

Чегловъ (*съ досадою перебивая его*).

Знаю я, любезный, безъ твоихъ совѣтовъ, какъ говорить.

Бурмистръ (*въ свою очередь перебивая его*).

Мало, судырь, знаете,—извините меня на томъ: оченно мало всѣ эти порядки! (*Обращаясь къ Золотилову*). Вотъ вы, Сергѣй Васильичъ, братецъ теперь ихней, можетъ, не поговорите-ли имъ, да не посовѣтуете-ли: теперь, черезъ эту ихную самую доброту, такъ у насъ вотчина распущена, что хошь махни рукой: баба какая придетъ, притворится хилой да хворой: «ай, батюшко, родиминькій, уволь отъ задѣлья!...» «Ступай, матушка, будь слободна на всю жизнь...» того не знаючи, что вонъ и медвѣди представляютъ въ шутку, какъ онѣ на задѣлье идутъ, а съ задѣлья бѣгутъ. Мужикъ какой нибудь, шельма, пьяница, безъ креста

изъ Питера сойдетъ: вмѣсто того, чтобы съ него въ трое спросить за провинность... «дать, говорятъ, ему льготу на два года, пускай, поправляется».

Золотиловъ.

Это, значитъ, прямо баловать народъ!

Бурмистръ.

Да какъ же, судырь, не баловать, помилуйте! Дворня теперь тоже: то папинькинъ камердинеръ, значитъ, и все семейство его палецъ о палецъ не ударитъ, то маминькина ключница, и той семья на томъ же положеньи... Я, самъ, Господи, одному старому господину моему служилъ безъ году 50 годовъ, да чтожъ изъ того?... Долженъ, сколько только силъ нашихъ хватаетъ, служить: и самъ я, и жена старуха, и сынъ, али дочь, въ какую только должность назначатъ! вѣрный рабъ, и по святому писанію, не жалѣетъ живота своего для господина.

Лакей (*входя*).

Ананій Яковлевъ тамъ пришелъ: спрашивать что ли вы изволили его.

Чегловъ.

Зови! (*Лакей уходитъ*).

Чегловъ (*Золотилову*).

Я просилъ бы тебя, Сергѣй Васильичъ, выйти.

Золотиловъ.

Уйду, не безпокойся; (*идетъ, но пріостанавливается*) за чѣмъ же водку-то пить! (*Пожавъ плечами, уходитъ; изъ другихъ дверей входитъ Ананій Яковлевъ*).

ЯВЛЕНІЕ IV.

ЧЕГЛОВЪ, БУРМИСТРЪ и АНАНІЙ ЯКОВЛЕВЪ.

Чегловъ.

Здравствуй, Ананій.

Ананій Яковлевъ (*молча кланяется и кладетъ на столъ деньги*).

Оброкъ-съ!

Чегловъ.

Не хлопочи!... (*помолчавъ*) Хорошо нынче торговалъ?

Ананій Яковлевъ.

Была торговля-съ!

Чегловъ.

Все по дачамъ?

Ананій Яковлевъ.

По дачамъ лѣтомъ только-съ.

Бурмистръ.

Имъ въ Питерѣ хорошо: денегъ, значитъ, много... пища тоже все хорошая, трактирная... вина въ волю... раскуражилъ сейчасъ самъ себя́ и къ барышнямъ поѣхалъ; бабы деревенскія и наплевать, значитъ, выходятъ... хорошо тамотка, живалъ я тоже, — помню еще маненичько!

Ананій Яковлевъ.

У кого блажь въ головѣ сидитъ, такъ тому и здѣсь хорошо: можетъ, ни съ одного праздника не вернется, не нарѣзамшись, а заботливому человѣку и въ Питерѣ не до гульбы.

Чегловъ (*стремительно*).

Дѣло въ томъ, Ананій, я призвалъ тебя потолковать: наши отношенія, въ которыхъ мы теперь стоимъ съ тобой, ты, вѣроятно, знаешь, и первая просьба моя: забудь, что я тебѣ господинъ и будь совершенно со мной откровененъ. Какъ всѣхъ я васъ, а тѣмъ больше тебя понимаю, Калистратъ Григорьевъ можетъ засвидѣтельствовать.

Бурмистръ.

Всегда и каждому могу засвидѣтельствовать; а онъ и самъ мужикъ умный, можетъ разсудить ваши слова милостивыя.

Ананій Яковлевъ.

Что мнѣ тутъ разсуждать, коли я ничего не понимаю, и, можетъ, понимать того не хочу, къ чему теперича одинъ пустой этотъ разговоръ идти можетъ... Нечего мнѣ тутъ понимать!

Чегловъ.

Разговоръ этотъ, рано ли поздно ли, долженъ былъ бы прійти къ тому, и я опять тебѣ повторяю, что считай меня въ этомъ случаѣ совершенно за равнаго себѣ, и если я тебя обидѣлъ, то требуй какое хочешь удовлетвореніе! Будь то деньгами, и я сейчасъ перезакладываю имѣнье и отдамъ тебѣ все, что мнѣ выдадутъ....

Ананій Яковлевъ (*послѣ нѣкотораго молчанія*).

Я хотя, судырь, и простой мужикъ, какъ вы, можетъ, меня понимаете; однакоже чести моей не продавалъ ни за большія деньги, ни за малыя, и разговору того, можетъ, и съ глазу на глазъ имѣть съ вами стыдился, а вы еще меня при третьемъ человѣкѣ въ краску вводите: такъ господину дѣлать не хорошо...

Чегловъ.

Третій человѣкъ тутъ ничего не значитъ, — это одинъ только ложный стыдъ.

Бурмистръ.

Чѣмъ же я тѣ тутъ поперекъ горла сталъ: коли господинъ мнѣ довѣрье дѣлаетъ, какъ же ты можешь лишать меня того.

Ананій Яковлевъ.

Всегда могу! Я, хоша и когда нибудь, немного вамъ разговаривать давалъ: забыли, можетъ, чай, межевку-то, какъ вы съ пьяницей землемѣромъ, за штофъ какой-нибудь водки французской, всю вотчину было продали, — баринъ-то извѣстенъ про то! а что теперешнее дѣло мое, коли на то пошло, оно паче касается меня, чѣмъ самого господина, и я завсегда вамъ ротъ зажму.

Бурмистръ.

Къ какому слову ты тутъ межевку-то приплелъ? Что ты мнѣ тѣмъ тычешь въ глаза? Коли ты зналъ, гляче-же ты въ тѣ поры барину не докладывалъ? только на міру вы, видно, горло-то переѣдать люты, а тутъ, какъ къ самому пришло... узломъ, такъ и на другихъ давай сворачивать... Что я въ твоемъ дѣдѣ причиненъ?

Ананій Яковлевъ.

Знаю я.

Бурмистръ.

Знаешь?... да!

Чегловъ (*перебивая его*).

Молчи, Калистратъ! Дѣло въ томъ теперь, Ананій, я человѣкъ прямой и рѣшился съ тобой дѣйствовать совершенно откровенно: ты, говорятъ, хочешь взять съ собой въ Петербургъ жену и ребенка?

Ананій Яковлевъ (*поблѣднѣвъ еще болѣе*).

Ежели, судырь, вамъ ужъ, значитъ, и доложено про то, такъ тѣмъ паче я имѣю на то мое безпремѣнное намѣренье.

Чегловъ.

А ежели это именно одно, чего я не могу позволить тебѣ сдѣлать!

Ананій Яковлевъ.

Никакъ нѣтъ-съ. Когда я, значитъ, за себя и за жену оброкъ, хоша бы двойной, предоставлю, кто-жъ мнѣ можетъ припятствовать въ томъ?...

Чегловъ (*ударивъ себя въ грудь*).

Я! слышишь ли, Ананій, я! И тѣмъ больше считаю себя въ правѣ это сдѣлать, потому что жена твоя не любитъ тебя.

Ананій Яковлевъ.

Это ужъ, судырь, мое дѣло заставить тамъ ее, али нѣтъ, полюбить себя.

Чегловъ.

А мое дѣло не допустить тебя ни до чего... ни до іоты... скрываться теперь нечего, и она, бѣдная, даже не желаетъ того. Тутъ, видитъ Богъ, не только что тѣни какого нибудь насилья, за которое я убилъ бы себя, но даже простой хитрости не было употреблено, а было дѣломъ одной только любви: будь твоя жена барыня, крестьянка, купчиха, герцогиня, все равно... и если въ тебѣ оскорблено чувство любви, чувство ревности, вытянемъ тогда другъ друга на барьеръ и станемъ стрѣляться: другаго выхода я не вижу изъ нашего положенія.

Ананій Яковлевъ.

Ваши слова, судырь, я за одинъ только смѣхъ принять могу: наша кровь супротивъ господской ничего не стоющая, и мы наказанье только потерпѣть за то можемъ.

Чегловъ.

Отъ чего-жъ? Нисколько. Ты будешь правъ, какъ мужъ, я правъ... пойми ты, Ананій, у меня тутъ ребенокъ, онъ мой, а не твой, и наконецъ даю тебѣ клятву въ томъ, что жена твоя не будетъ больше моей любовницей, она будетъ только матерью моего ребенка — только! но оставить въ

твоей власти эти два дорогія для меня существа я не могу, понимаешь ли ты, я не могу!

Ананій Яковлевъ.

Коли теперича жена моя, и ребенокъ, значитъ, мой. Богъ соединилъ, человѣкъ развѣ разлучаетъ? кто-жъ можетъ сдѣлать то?

Чегловъ.

Я!... повторяю тебѣ, я! И считаю это долгомъ своимъ, потому что ты тиранъ: ты женился на ней, зная, что она не любитъ тебя, и когда она въ первое время бѣгала отъ тебя, ты силою вступилъ въ права мужа; наконецъ ты іезуитъ: показывая при людяхъ къ ней ласковость и доброту, ты мучилъ ее ревностью; цѣлыя ночи грызъ ее за какой-нибудь взглядъ на другаго мужчину, за вздохъ, который у нея, можетъ быть, вырвался отъ нелюбви къ тебѣ — я все знаю.

Ананій Яковлевъ.

Позвольте, судырь! Коли теперича эта безстыжая женщина, окромя распутства, меня оглашаетъ и порочитъ каждому стрѣчному, такъ я, можетъ, и не то еще съ ней сдѣлаю.

Чегловъ.

Ничего ты съ ней не сдѣлаешь. Только перешагнувъ черезъ мой трупъ, ты развѣ можешь что нибудь сдѣлать. Я вотъ, Калистратъ, тебѣ пору-

чаю и прошу тебя: сдѣлай ты для меня это одолженіе — день и ночь слѣди, чтобъ волоса съ головы ея не пало. Лучше что хотите надо мной дѣлайте, чѣмъ надъ нею... она дороже мнѣ жизни моей, такъ вы и знайте, такъ и знайте!... (*уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ V.

БУРМИСТРЪ и АНАНІЙ ЯКОВЛЕВЪ.

Бурмистръ.

Дуракъ мужикъ, дуракъ, а еще Питерецъ — право! Господинъ хочетъ ему сдѣлать экія милости, а онъ, ну-ко!

Ананій Яковлевъ.

Можетъ, тебѣ такія милости надо, а я не прошу ихъ.

Бурмистръ.

Какія-же тебѣ-то надо, султанъ великій? Другой мужикъ, изъ того бы, что безъ оброку отпускаютъ, готовъ былъ бы для господина сдѣлать во всемъ удовольствіе; а тутъ человѣка хотѣли на вѣкъ счастливымъ сдѣлать, хоша бы въ томъ-то, сколь велика господская милость, почувствовалъ, образина эдакая чухонская!

Ананій Яковлевъ.

Я еще давѣ, Калистратъ Григорьевъ, говорилъ тебѣ не касаться меня. По твоимъ лѣтамъ да по разсудку тебѣ на хорошее бы надо наставлять насъ молодыхъ людей, а ты къ чему человѣка-то подводишь! Не мнѣ себя надо почувствовать, а тебѣ! Когда стыдъ-то совсѣмъ потерялъ, такъ хоть бы о сѣдыхъ волосахъ своихъ вспомнилъ: не уйдешь могилы-то, да и на томъ свѣту будешь... можетъ, и огня-то тамъ недостанетъ такого, чтобы прожечь да пропалить тебя за всѣ твои окаянства!

Бурмистръ.

Какія-жъ мои окаянства? Что потачки вамъ не даю, вотъ васъ всѣхъ злоба за что, — и не дамъ, коли поставленъ на то! Старымъ господамъ вы, видно, не служивали, а мы имъ служили, — вотъ, вѣдь, оно откедова все идетъ! Ни одна, теперича, шельма изъ васъ во снѣ грозы-то такой не видывала, какъ мы кажинный часъ ждали и чаяли, что вотъ разразится надъ тобой. Я въ твои-то года, усъ-то и бороду только что нажимши, взгляду господскаго нѣмѣлъ и трепеталъ, а ты чего только тутъ барину-то наговорилъ, — припомни-ка, башка твоя глупая.

Ананій Яковлевъ.

Можетъ, вамъ такъ служить надо, а мнѣ не

гляче: я барскаго хлѣба не продаю и магарычей чрезъ то не имѣю... Послѣдній какой нибудь оброшникъ теперь барина удовлетвори, да и вамъ предоставь, такъ тоже надо все это заслужить, а я живу честно... своими трудами... и на особыя какія послуги... никогда на то не согласенъ.

Бурмистръ.

Ишь, Господи, какой у насъ честной человѣкъ и противу всѣхъ праведный выискался: дивуйтесь только и дѣлайте все по его! Давайте ему буянить надъ женщиной и командовать.

Ананій Яковлевъ.

Кто-жъ можетъ промежъ мужемъ съ женой судьей быть! Ты что-ль?

Бурмистръ.

И я буду, коли въ начальство тебѣ поставленъ.

Ананій Яковлевъ.

Начальство есть и повыше васъ, мы и до того тоже дорогу знаемъ.

Бурмистръ.

Да, такъ вотъ начальство сейчасъ и послушаетъ тебя, рыжую бороду, такъ вотъ и скажутъ сейчасъ: «сдѣлайте одолженіе Ананій Яковличъ, пожалуйте, приказывайте, какъ вамъ надо...» Ахъ ты, дуракъ мужикъ необразованный, ехидная — ты животина.

Ананій Яковлевъ.

Ты не лайся, пока тѣ глотку-то не заткнули.

Бурмистръ.

Я тя еще не такъ полаю, я тя съ березовой лапшой полаю.

Ананій Яковлевъ.

Шалишь!

Бурмистръ.

Шалятъ-то телята, да малые ребята, а я не шалю.

Ананій Яковлевъ.

Шалишь и ты!

ЯВЛЕНІЕ VI.

ТѢ ЖЕ и ЗОЛОТИЛОВЪ.

Золотиловъ (*входя*).

Тсъ! Тише, что вы тутъ, скоты, орете! (*къ Ананью*). Ты, любезный, до чего довелъ барина-то: онъ, по твоей милости, безъ чувствъ теперь лежитъ. На смерть что ли ты его разсчитываешь? Такъ знай, что наслѣдниками у него мы, для которыхъ онъ слишкомъ дорогъ, и мы будемъ знать, кто его убійца. Я все слышалъ и не такъ делика-

тенъ, какъ братъ: если, не дай Богъ, что случится съ нимъ, я съумѣю съ тобой распорядиться.

Бурмистръ.

Мало, видно, онъ батки-то своей бережетъ; ему бы только на другихъ указывать, того не зная, что, царство небесное, старый господинъ мой теперь, умираючи, изволилъ мнѣ приказывать: «Калистратъ, говоритъ, теперь сынъ мой остается въ цвѣтущихъ лѣтахъ, не прикинь ты его!» такъ я помню эти слова ихнія, и всегда, въ чемъ ни на есть господская воля, исполню ее: баринъ теперь приказалъ мнѣ, чтобы волоса съ головы бабы его не пало отъ него, и я вотъ при васъ, Сергѣй Васильичъ, говорю, что ежели я, мало-мальски, что услышу, — завтра же сдѣлаю объ ней распоряженіе — на барскій дворъ пшеницу мыть на всю зиму, на тѣ: властвуй, командуй!

Ананій Яковлевъ.

Никогда ты не можешь того сдѣлать и никого я теперь не боюсь, коли никакой вины за собой не знаю.

Золотиловъ.

Ну, будетъ, безъ разсужденій: можешь отправляться... довольно съ тобой, дуракомъ, разговаривать. (*Уходитъ*).

Ананій Яковлевъ (*тоже уходя и почти въ слухъ*).

Я самъ, можетъ, еще менѣе того желаю, хошь-бы какой тамъ ни на есть, разговоръ съ вами имѣть.

ЯВЛЕНІЕ VII.

Бурмистръ (*въ слѣдъ ему*).

Не сдѣлаю я?... Сдѣлаю!... Не сегодня ты мнѣ на сердцѣ-то наскребъ. Коли ты теперь сталъ подкопы подъ меня подводить, что я тамъ на межевкѣ что сдѣлалъ, али хлѣбъ воровски продаю, — такъ я тебѣ еще не то всучу... не такъ еще наругаюсь, и не прочихаешься, змѣя-человѣкъ!

(*Занавѣсъ падаетъ*).

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

Та же изба, что въ первомъ дѣйствіи.

ЯВЛЕНІЕ I.

МАТРЕНА сидитъ у растворенпаго окна, въ которое глядитъ СПИРИДОНЬЕВНА. ЛИЗАВЕТА лежитъ за перегородкой, гдѣ повѣшена и зыбка съ ребенкомъ.

Спиридоньевна.

Такъ, слышь, баунька, онъ его уговаривалъ, — все лаской сначала... Сергѣй Васильичъ тоже при этомъ ихнемъ разговорѣ былъ, бурмистра опосля призвали... тѣ пытали, пытали его усовѣщивать, — ничто не беретъ: они ему слово, а онъ имъ два! Родятся-же, Господи! на свѣтъ экіе смѣлые и небоязливые люди.

Матрена.

Ну, матушка, и ему тоже не легко, и самъ, можетъ, не радъ тому, что говоритъ и дѣлаетъ. Какъ по Божески теперь сказать, не ему бы ихъ, а имъ бы его оставить надо — мужъ есть!

Спиридоньевна.

Ну, а вотъ, поди, тоже бурмистръ, али дворовые, другое говорятъ, барина очень жалѣютъ: на Ананья-то тѣмъ разомъ разсердимшись, вышелъ, словно мертвецъ, прислонился къ косяку, позвалъ человѣка: «дайте, говоритъ, мнѣ поскорѣй тазъ,» и почесть, что полнехонекъ его отхаркнулъ кровью. «Вотъ, говоритъ, это жизнь моя выходитъ по милости Ананья Яковлича. Не долго вамъ мнѣ послужить... скоро будутъ у васъ другіе господа...» такъ и жалѣютъ его оченно!

Матрена.

Не знаю, мать! Господинъ, вѣстимо, воленъ все сказать, а что, кажись-бы, экому барину хорошему и заниматься этимъ не гляче было; себя только безпокоить, бабу баламутить и мужичка, ни за что, ни про что, подъ гнѣвъ свой подводить.... а псамъ дворовымъ, али злодѣю бурмистру, съ пола-горя на чужой-то бѣдѣ разводы разводить...

Спиридоньевна.

То, баунька, слышь, баринъ теперь на счетъ того оченно опасается, чтобъ Лизаветѣ онъ чего не сдѣлалъ, только теперь о томъ и разговоръ съ Сергѣемъ Васильичемъ имѣетъ.

Матрена.

Ну, матушка, помилуетъ ли онъ Лизавету! Подначальный тоже ему человѣкъ во всемъ, какъ есть! толды, какъ онъ отъ барина-то пришелъ, человѣкъ это былъ, али звѣрь какой? Я со страху ажно изъ избы убѣжала: сначала слышу голосила она все, молила что-ли его, а тутъ и молвы не стало.

Спиридоньевна (*съ любопытствомъ*).

Билъ, значитъ, онъ ее?

Матрена.

Вѣстимо, что ужъ не по головкѣ гладилъ, только то, что битье тоже битью бываетъ розь; въ этакомъ азартѣ человѣкъ, не ровенъ тоже часъ, какъ и ударитъ... въ тѣ поры, не утерпѣвши материнскимъ сердцемъ своимъ, вбѣжала въ избу-то, гляжу, онъ сидитъ на лавкѣ и пѣна у рту, а она ужъ въ постелю повалилась: шлыкъ на сторонѣ, коса растрепана и лице закрыто!... Другія сутки вотъ лежитъ съ той поры, словечка не промол-

витъ, только и сказала, чтобъ зыбку съ ребенкомъ къ ней изъ горенки снесли, чтобъ и его-то съ голоду не уморить...

Спиридоньевна.

Какъ еще, мать, у нея молоко-то есть — не пропало и не изсушилось съ экихъ страховъ?

Матрена.

Какое ужъ, поди, тоже молоко... хошъ бы и на счетъ пищи теперь, колькой день крохи во рту не бывало.

Спиридоньевна.

Да гдѣ самъ-то: дома, видно, нѣтъ?

Матрена.

Къ священнику что ли пошелъ — не знаю... меня вотъ сторожемъ приставилъ: «сидите, говоритъ, маменька, тутъ, чтобы шагу никуда Лизавета не могла сдѣлать». Всю одежду съ нея теплую и обувку обобралъ и заперъ: сиди, песъ, арестанкой, и не жалѣю я ея нисколько — сама на себя накликаетъ это.

Спиридоньевна (*взглянувъ въ сторону*).

Идетъ вонъ, матка!... назадъ ворочаетъ... сердитый, знать, такой и Господи: уперъ въ землю

глаза и ни на что не смотритъ... прощай, значитъ, баунька!... Настудила я и то тѣ избу-то.

Матрена.

Да зашла бы: — пирожка, что либо, покушала.

Спиридоньевна.

Спасибо, родимушка, неколды!... Къ бурмистру забѣжать еще надо: пиво они новое ставили, такъ дрожжецъ на опару обѣщали. Прощай!

Матрена.

Прощай, прощай! (*Спиридоньевна уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ II.

Матрена (*захлопнувъ окно*).

Ой, горя и печали наши великія! Помяни, Господи, царя Давида и всю кротость его... На одну теперь, выходитъ, Владычицу нашу, тихвинскую Божью матерь, всѣ и чаянія наши... отверзи милосердія Твоего врата, матушка... Ты бо еси единъ покровъ нашъ... заступи и помилуй!... Угодники наши Святые, Николай чудотворецъ и діаконъ Стефанъ великомученикъ — оградите крыломъ вашимъ

рабъ недостойныхъ, аще словомъ, вѣденіемъ, или невѣденіемъ согрѣшили предъ Господомъ... батюшки наши, страстотерпцы и милостивцы.

ЯВЛЕНІЕ III.

ТѢ ЖЕ и АНАНІЙ ЯКОВЛЕВЪ.

(Матрена тотчасъ же встаетъ и становится въ почтительное положеніе; Ананій Яковлевъ садится за столъ).

Матрена (*послѣ короткаго молчанія*).

Батюшко, не прикажешь ли собрать пообѣдать? кушанье у насъ хорошее настряпано.

Ананій Яковлевъ (*облокачиваясь на столъ и склоняя голову на руку*).

Нѣтъ-съ, не охота что-то. (*Послѣ нѣкотораго молчанія*). Самоварчикъ, пожалуй, поставьте; а то въ горлѣ какъ-то ужъ оченно пересохло.

Матрена.

Слушаю, сударь (*уходитъ*).

*

ЯВЛЕНІЕ IV.

АНАНІЙ ЯКОВЛЕВЪ и ЛИЗАВЕТА (за перегородкой. Опять молчаніе).

Ананій Яковлевъ (*взмахнувъ глазами на перегородку*).

Лизавета! что вы тутъ все лежите? Подьте сюда! (*Молчаніе*). Сами худое дѣлаете, да еще въ обиду вламываетесь. Не наказывать васъ хотятъ, а хоша бы мало-мальски внушить и на хорошее наставить, коли не совсѣмъ еще разсудокъ свой потеряли... Вставайте! нечего тутъ.

Лизавета.

Не смогу я... будетъ съ меня... спасибо.

Ананій Яковлевъ.

А мнѣ легче твоего? Не изъ блажи, али изъ самодурства, всамотка, куражатся надъ тобой... Не успѣли тебя за вину твою простить, какъ ты опять за тоже принялась. Камень будь на мѣстѣ человѣка, такъ и тотъ лопнетъ... Не будь, кажется, ничего такого, — такъ не токмо что

руку свою поднимать, а взглядомъ своимъ обидѣть васъ никогда не желалъ-бы!

ЛИЗАВЕТА.

Много взглядовъ-то вашихъ видала всякихъ... и напредь того.

АНАНІЙ ЯКОВЛЕВЪ.

Врешь, всесовершенно врешь!... Ежели и было что, такъ сама знаешь, за што и про што происходило... мы, теперича, Господи, и всѣ мужики женимся не по особливому какому расположенью, а все таки, коли въ церкви Божіей повѣнчаны, значитъ, надо жить по закону... только того и желалъ я, можетъ, видючи, какъ ты рыло-то свое, словно отъ козла какого, отъ меня отварачивала.

ЛИЗАВЕТА.

Не отъ радости и я тоже отворачивалась.

АНАНІЙ ЯКОВЛЕВЪ.

Съ какой же печали-то особливой? По замужеству вашему не изъ сапогъ въ лапти обули васъ, а словно-бы понаряднѣй супротивъ прежняго стали сарафаны-то носить... Хоть-бы то, теперича, маненько поцѣнили, что, жимши въ Питерѣ, можетъ, въ какомъ нибудь кускѣ себѣ отказывалъ, а для

чего и для кого все это было дѣлано?... Вонъ сейчасъ въ карманѣ своемъ имѣю 500 цѣлковыхъ чистоганомъ... думалъ: на будущій же годъ открою, хоша не большую, свою лавочку; квартирку найму пообширнѣе; выпишу Лизавету и что ни есть стряпать самоё не заставлю, а особую кухарку на то предоставлю: на, пей чай и кофей, и живи въ свое спокойствіе.

Лизавета.

Ничего мнѣ вашего не надо: въ Питерѣ найдутся, окромя меня, охотницы на ваши деньги, — не позавидую имъ!

Ананій Яковлевъ.

Ну да! какъ же? Все вотъ она питерскими-то тычетъ глаза: коли знаешь что про Питеръ, такъ сказывай яснѣй; я во всякій часъ хоша на судъ Господень къ отвѣту готовъ идти... (*Матрена въ это время вноситъ самоваръ и начинаетъ ставить на столъ чашки и чайникъ. Лизавета молчитъ*).

Ананій Яковлевъ (*продолжая*).

То-то!... Видно, и отвѣчать нечего, потому что сама лучше всякаго знаешь, что никогда тамъ ничего не было, да и быть не могло; а что теперича точно что: я, можетъ, и хуже того на что пой-

ду! для какого рожна беречь себя стану?... взять, значитъ, эти самыя деньги, идти съ ними въ кабакъ и покончить тамъ... и съ ними, и съ своей жизнію!

Матрена (*пододвигая къ Ананью Яковлеву чашку*).

Налила, батюшко, чай-то!

Ананій Яковлевъ.

Вижу-съ! Подайте ужъ и привередницѣ-то вашей.

Матрена.

Подадимъ и ей. (*Уходитъ за перегородку*).

Ананій Яковлевъ (*отодвигая отъ себя чашку*).

Мнѣніемъ даже своимъ никогда не полагалъ, дочего теперь доведенъ сталъ. Все, что было думано и гадано, словно отъ дуновенія вѣтра, пало и растроилось.

Матрена (*возвращаясь съ невыпитой чашкой*).

Не хочетъ, не желаетъ.

Ананій Яковлевъ.

Что-жъ такъ? И тѣмъ ужъ что-ли брезгуетъ?... (*Грустно улыбаясь и качая головой*). Человѣкъ-то,

какъ видно, заберетъ себѣ блажь въ голову, такъ, что хошь съ нимъ дѣлай, ничего понять не можетъ: ты къ нему съ добромъ, а онъ все къ тебѣ съ коломъ. Я вотъ, теперь не то, что съ гнѣвомъ какимъ, а истерзаючись всѣмъ сердцемъ моимъ и со слезами на очахъ своихъ, при матери вашей, прошу васъ: образумьтесь и станемъ жить, какъ и прочіе добрые люди!

Лизавета.

Добрые люди не указщики про насъ!

Матрена.

Такъ что-жъ тѣ, али на худыхъ глядѣть надо? Ишь, что, псовка, говоритъ... мало тебѣ еще, видно было: смиренъ Ананій-то Яковличъ, ей-Богу, смиренъ.

Ананій Яковлевъ.

То-бы теперь, кажись, разсудить надо: ну, пускай такъ, я пропадать, значитъ, долженъ: дуракъ, видно, и былъ! можетъ, это еще за удовольствіе гля нихъ будетъ; вы тоже, можетъ, чрезъ то въ могилу ляжете; что-жъ опосля того съ самой-то послѣдуетъ? Царь Небесный справедливъ: онъ все это видѣть будетъ и не помилуетъ тебя, Лизавета, повѣрь ты мнѣ!

МАТРЕНА.

А я, батюшко, развѣ не тоже ей долблю и наказываю?... На то я ее при своемъ сиротчествѣ, почесть что мірскимъ подаяньемъ да кровными своими трудами, вспоила и вскормила, чтобы видѣть отъ нея экія радости. (*Начинаетъ плакать*).

АНАНІЙ ЯКОВЛЕВЪ.

Э, полноте, пожалуйста, хороши ужъ и вы! говорить-то только не охота, а, можетъ, не менѣе ея имѣли въ головѣ своей фанаберію, что вотъде эка честь выпала — баринъ дочку къ себѣ приблизилъ, — то забываючи, что, коли на экой пакости и мерзости идетъ, такъ баринъ-ли, холопъли, все одинъ и тотъ же чортъ-страмъ выходитъ!... али и въ самотка вѣкъ станутъ ублажать и барыней сдѣлаютъ; можетъ, какой нибудь еще годъ, дуру пообманываютъ, а тамъ и прогонятъ, какъ овцу паршивую! ходи по міру на людскомъ поруганьѣ и посмѣяньѣ.

МАТРЕНА.

И ништо ей, батюшко, будетъ, ништо!...

АНАНІЙ ЯКОВЛЕВЪ.

Для чего-жъ доводить-то себя до того? Другое дѣло, кабы ее на худое-то толкали, а то только

всѣми силами отвести ее отъ того желаютъ: самъ свое сердце смирилъ, кажись, сколько только могъ, и какой бы тамъ внутри червякъ не сидѣлъ, все прощаю и забываю; ну, по пословицѣ, что съ возу упало, то и пропало,—не воротишь! по крайности напредь себя поправить желается. И грѣха теперь бѣжавши, какъ и священникъ вотъ тоже совѣтуетъ, завтра-же поѣдемъ со мною въ Питеръ, а ежели на счетъ паспорта какое притѣсненіе выйдетъ, такъ я и такъ увезу; прямо начальству объясню, почему и для чего это было дѣлано.

Матрена.

Да ты, батюшко, такъ и сдѣлай! что на ее смотрѣть?!... и я тебя прошу о томъ. Чего и кого тебѣ бояться тутъ?

Ананій Яковлевъ.

Не о боязни рѣчь! А говоришь тоже, все еще думаючи, что сама въ толкъ не возьметъ-ли, да по доброй волѣ своей на хорошій путь не вступитъ-ли... а что сдѣлать, я, конечно, что сдѣлаю, какъ только желаю и думаю. Мужъ глава своей жены!... это не любовница какая нибудь: коли хороша, такъ и ладно, а нѣтъ, такъ и по шеѣ прогналъ... это дѣло въ церкви пѣтое: коли что не хорошее видишь, такъ грозой али лаской, какъ тамъ знаешь, а исправить надо.

Матрена.

Да какъ же, батюшко, не исправить. Коли бы насъ, дуръ, бабъ не били да не учили, такъ что бы мы были! Ты вотъ хошь и гнѣваться на меня изволишь, а я прямо тѣ скажу: на моихъ рукахъ ты ее и не оставляй. Мнѣ съ ней не совладать: словъ моихъ бранныхъ она не слушаетъ, бить мнѣ ее силушки не хватаетъ, значитъ, и осталось одно: послать ее къ чорту-дьяволу.

Лизавета (*простонавъ*).

Проклинайте больше, проклинайте!

Матрена.

Али не прокляну? прокляну, чтобы провалиться тебѣ дьяволицѣ въ тартары тартаринскіе, на муки вѣченскія, вотъ тебѣ мое материнское слово!

Ананій Яковлевъ.

Перестаньте, полноте тутъ съ вашей пустой болтовней.

Матрена.

Батюшко! вывела ужъ она меня изъ всего моего терпѣнія.

ЯВЛЕНІЕ V.

ТѢ ЖЕ и РАБОТНИЦА.

Работница (*заглядывая въ дверь*).

Ананій Яковличъ! Бурмистръ тамотка пришелъ: спрашиваетъ тебя и Лизавету Ивановну.

Ананій Яковлевъ.

Какъ Лизавету Ивановну?... подь сюда, взойди.

Работница (*не входя*).

Да больно, батюшко, я необрядна: спрашиваетъ... таково много мужичья съ нимъ привалило.

Ананій Яковлевъ.

Это еще что за выдумки ихныя? (*Матренѣ*) поглядите, что тамъ такое?

(*Матрена и работница уходятъ*).

Ананій Яковлевъ (*женѣ*).

Ежели, теперича, разбойникъ этотъ ворвется сюда, и вы слово при немъ промолвите, я живъ съ вами, Лизавета, не разстанусь.

ЯВЛЕНІЕ VI.

ТѢ ЖЕ и БУРМИСТРЪ.

Бурмистръ (*входя*).

Ананій Яковлевъ дома?

Ананій Яковлевъ.

Былъ да весь вышелъ... что тѣ надо?

Бурмистръ.

Надо намъ! (*Обращаясь къ дверямъ*) входите, братцы! Выборный, входи! (*Выборный входитъ*). Петръ Федорычъ входи, батюшко! Матвѣй!... Кирило!... проваливайте кто тамъ еще есть! (*входятъ Петръ Федоровъ, кривой мужикъ, косой мужикъ, молодой парень и Давыдъ Ивановъ*).

Бурмистръ (*обращаясь къ Ананью Яковлеву*).

Я еще вчерасятко тебя на сходку звалъ, ты не пришелъ!... Сегодня бабенка Спиридоньевна прибѣгала къ намъ и новыя извѣстія объ тебѣ дала... значитъ, я самъ къ тебѣ съ міромъ на домъ пришелъ.

Ананій Яковлевъ.

Милости просимъ... понравится ли только вамъ угощенье мое, не знаю.

Бурмистръ.

Прозубоскалишься, погоди маненько... (*Обращаясь къ мужикамъ*) Я, теперича, господа-мужички почтенные, позвалъ васъ сюды, такъ какъ мнѣ тоже одному съ этимъ человѣкомъ дѣлать нечего; на вашъ, значитъ, судъ и расправу предаю его, такъ вы то и завѣдомо свое имѣйте!

Федоръ Петровъ (*опираясь на клюку и шамкая*).

Завѣдомо намъ, Калистратъ Григорьичъ, неча тутъ имѣть, коли мы теперь ничего того не знаемъ, за што и про што привелъ ты насъ сюда.

Бурмистръ.

А за то ты, старичекъ почтенный, приведенъ сюда, что мы вотъ, теперича, съ тобой третьимъ господамъ служимъ; всего тоже видали на своемъ вѣку: у покойнаго, царство небесное, Алексѣя Григорьича, хоть бы на счетъ того же женскаго полу, всего бывало... и въ твоемъ семействѣ не мало происходило этого... не забылъ еще, можетъ, чай, того.

Федоръ Петровъ (*обидясь*).

Чтой-то, помилуй, какимъ ты меня, стараго человѣка, словомъ попрекаешь... оставь меня, пожалуйста, прошу о томъ.

Бурмистръ.

Не попрекаютъ тебя, а что хошь бы тотъ же выборный... не потаитъ того: жена не жена, а все тоже близкій человѣкъ... сестра... извѣстно тоже въ какомъ въ послѣдніе годы барина положеньи при немъ была.

Выборный (*тоненькой фистулой*).

Я, помилуйте, судырь, какъ, значитъ, совершенно все жилъ въ Питерѣ, какъ же, теперича, могъ, значитъ, знать, какія тамъ положенья есть?.. а хоша бы и теперича, какъ привязанъ, значитъ, сталъ въ свою должность, тоже ничего не знаю ни про себя, ни про другихъ кого.

Бурмистръ.

Не про то, глупый ты человѣкъ, говорятъ, а что хвалятъ васъ очень, такъ какъ никогда никакого буянства отъ васъ не было. Вонъ тоже и Давыдъ Ивановъ. Онъ тутъ, при немъ скажу: давно бы, можетка, ему свою бабу наказать бы слѣдо-

вало за всѣ ея художества, такъ онъ и тутъ, по смиренству своему, всё терпитъ...

Давыдъ Ивановъ.

О, батюшко, нашелъ на кого указывать. Не съ сего дня я наплевалъ на то: Богъ съ ней!

Бурмистръ (*показывая на Ананья Яковлева*).

Да, а тутъ вонъ другое говорятъ: дебошъ хотятъ дѣлать.

Ананій Яковлевъ (*съ трудомъ сдерживая себя*).

Послушай, Калистратъ Григорьевъ, смѣяться-ли ты надо мной пришелъ съ этими дураками, али совсѣмъ ужъ меня до худова довести хочешь, — скажи ты мнѣ только одно?

Бурмистръ.

Нечего мнѣ тебѣ сказывать! Я ужъ пѣлъ тебѣ свою пѣсню-то: колькіе годы теперь, жеребецъ этакой, въ Питерѣ живетъ; баловства, можетъ, ни вѣсть сколько за собой имѣетъ, а тутъ по деревнѣ, что маненько вышло, такъ и стерпѣть того не хочешь, да что ты за король-Моголъ такой великій?

Ананій Яковлевъ.

Великій, коли самъ себя знаю!... и тебѣ меня не учить, какъ понимать себя.

Бурмистръ.

Не по своей волѣ тя учатъ, а барское приказанье на то я имѣю. *(Обращаясь къ мужикамъ)*. Баринъ, теперича, приказалъ съ отвѣтомъ всей вотчины, чтобы волоса съ главы его бабы не пало, а онъ тогда, только что изъ горницы еще пришедши, билъ ее не на животъ, а на смерть, и теперь ни пищи, ни питья не даетъ; она, молока лишимшись, младенца не имѣетъ покормить чѣмъ: такъ баринъ за все то, можетъ, первѣй, чѣмъ съ него, съ насъ спроситъ, и вы все единственно, какъ и я же, отвѣчать за то будете.

(Между мужиками говоръ).

Федоръ Петровъ.

Почто жъ мы отвѣчать за то будемъ, коли ничѣмъ тому не причиной?

Выборный.

Господинъ, значитъ, помилуйте! самъ воленъ теперь: что прикажутъ, то мы и сдѣлаемъ,

Кривой мужикъ.

Извѣстно, что господская воля.

Рябой мужикъ.

Не уйдешь отъ нея, тоже, паря, никуда.

Давыдъ Ивановъ.

Кабы мы теперь супротивники, что-ли, какіе были, ну такъ то бы дѣло было.

Молодой парень.

У насъ тоже просто на счетъ того; тогда меня на міру отбаловали, и самъ не вѣдаю за что.

Давыдъ Ивановъ.

Какъ же, голова, помилуй! хошь бы и на счетъ Ананья Яковлича, какая воля барская есть, разѣ мы знаемъ то...

Ананій Яковлевъ.

Какая-жъ тутъ воля барская?... Ахъ, вы, окаянный, дикій народъ: міромъ еще себя имянуютъ!... Коли я вамъ, теперича, на судъ вашъ дурацкій преданъ, какая же и чья тутъ воля можетъ быть?... Али пословица-то, видно, справедливотка, что мірской разумъ вездѣ нынѣ изъ кабака пошелъ,

такъ я вамъ, лопаламъ, три бочки выкачу, только говори, помня Бога и въ правилѣ.

Федоръ Петровъ.

Чтожъ мы сказали не въ правилѣ... это, братецъ, одна только напраслина твоя... какъ вонъ, ну, на мiру говорятъ о земелькѣ, что-ли, али по податной части, извѣстно, мужичка кажиннова дѣло—всякій скажетъ, а тутъ, теперича, въ экомъ случаѣ, ничего мы того не знаемъ, и что-жъ мы сказать можемъ?

Ананій Яковлевъ.

Нѣтъ, ты, старый человѣкъ, долженъ былъ бы сказать, и не то, что въ ихней шайкѣ быть, а остановить бы душегуба этого, да и другимъ тоже внушить, коли хоша маненько себя поумнѣй и почестнѣй другихъ полагаешь.

Федоръ Петровъ.

Мнѣ тоже, Ананій Яковличъ, не распинаться стать изъ-за тебя... Я самъ, выходитъ, человѣкъ подначальный.

Ананій Яковлевъ.

Вижу я, что вы всѣ одинаковы Іуды-то предатели... тебѣ вонъ только словомъ намекнули на

твое дѣло прошлое и забытое, такъ ты й то со стыда-то всю рожу въ бороду спряталъ... Какой нибудь пискунъ выборный про сестру свою посконную и то отъ себя отпихиваетъ, — за что-жъ вы меня-то опосля того почитаете? Али всамотка совсѣмъ къ подлецу Давыдкѣ примѣнить хотите, коли въ домъ мой приходите и этакой смертельной обидой меня язвите? Души моей больше не хватаетъ переносить того: я напередъ вамъ говорю, — кому голова своя дорога, такъ убирайся отсѣдова... топоръ у меня вострый!

Федоръ Ивановъ.

Какъ же это можно, братецъ, топоромъ ты намъ грозишь?... Дураками и лопалами насъ облаялъ, да топоромъ еще грозишь, — за что это?

Бурмистръ.

А за то, что вамъ мало еще, право! хорошенько ихъ, Анашка! взялъ да и пошелъ валять того да другаго въ зубы: нате, молъ, вамъ, господа міряне, коли дураки вы такіе.

Молодой парень.

Что-жъ вы такъ наши-то зубы оченно ужъ дешево ставите — коли онъ насъ начнетъ бить, такъ и мы его станемъ.

Бурмистръ.

Ты мнѣ бей не бей его, а хоша свяжи, да бабу ослободи мнѣ отъ него, потому самому, что не могу ее оставить при немъ. Мнѣ тутъ за нимъ не углядѣть: съ сего же дня она будетъ у меня во дворѣ, въ особой келейкѣ жить, коли я теперь за нее отвѣчать должонъ!

Ананій Яковлевъ.

Будто?

Бурмистръ.

Ну да, будто!

Ананій Яковлевъ.

Будто?... а ежели я скорѣй по уши въ землю ее закопаю, чѣмъ ты сдѣлаешь то! (*колотя себя въ грудь*). Не выводи ты меня изъ послѣдняго моего терпѣнья, Калистратъ Григорьевъ: не по барской ты волѣ пришелъ сюда, а только злобу свою тѣшить надо мной; идемъ сейчасъ къ господину, коли на то пошло.

Бурмистръ.

Ну да, такъ вотъ сейчасъ и пойдутъ. Сидишь и тутъ хорошъ!

Ананій Яковлевъ.

Не станутъ съ тобой тутъ сидѣть; ты къ тому

только, видно, и ведешь человѣка, что либо мнѣ, либо тебѣ остается жить на свѣтѣ. Побереги ты своихъ сѣдыхъ волосъ!

Бурмистръ.

Ничего я тебя не боюсь, власти твоей не хватитъ ничего сдѣлать ни мнѣ, ни бабѣ твоей!

Ананій Яковлевъ.

Бабѣ моей! Когда она, бестія, теперь каждый шагъ мой продаетъ и выдаетъ вамъ, то я не то, что таючись, а середь бѣлаго дня, на площади людской, стану ее казнить и тиранить; при вашихъ подлыхъ очахъ наложу на нее цѣпи и посажу ее въ погребъ ледяной, чтобъ замерзнуть и задохнуться ей тамъ окаянной!

ЯВЛЕНІЕ VII.

ТѢ ЖЕ и ЛИЗАВЕТА, быстро появляется изъ-за перегородки со всклокоченной головой, въ худомъ сарафанишкѣ и босикомъ.

Лизавета.

Нѣту! нѣту!.. не бывать по вашему никогда!... довольно вы надо мной поначальствовали... Я вотъ,

господинъ бурмистръ, теперь заявляю вамъ — онъ тиранилъ меня, а что напредь еще сдѣлаетъ, не извѣстно то, самъ про то не сказываетъ...

Ананій Яковлевъ (*опуская руки*).

Лизавета, уйди... Бога ради, уйди, оставь меня при моемъ дѣлѣ.

Лизавета.

Это не ваше дѣло, а мое! (*Обращаясь къ мужикамъ*). Всѣ вы, можетъ, видѣли, какъ я и повѣнчана-то за него была.... въ свадебныхъ-то саняхъ, почесть, что связанную везли. Честь мою дѣвичью мнѣ легче бы было кинуть разбойнику въ лѣсу, чѣмъ ему — такъ съ меня спрашивать тоже много нечего: грѣшница, али праведница черезъ то стала, а что, стыдъ теперь всякой свой потеряючи, при всемъ народѣ говорю, что барская полюбовница есть, и теперь, значитъ, ведите меня къ господину — послѣдней коровницей али собакой, но при нихъ быть желаю, а ужъ слушаться и шею свою подставлять злодѣю своему не хочу. Онъ теперь обувку и одежу обобралъ — не остановитъ меня то, уйду къ барину... (*начинаетъ искать на голбцѣ и по лавкамъ платье себѣ*).

Ананій Яковлевъ.

Лизавета, еще разъ тебѣ говорю, не дѣлай ты этого.

БУРМИСТРЪ.

Нечего тутъ, не дѣлай. (*Молодому парню*). Дай ей своего полушубка и сапоговъ, — до усадьбы только довести ее.

(*Молодой парень отвѣчаетъ ему на это только дикимъ взглядомъ*).

АНАНІЙ ЯКОВЛЕВЪ (*обращаясь къ мужикамъ*).

Господа міряне! что же это такое? Заступитесь, хоша вы, за меня несчастнаго! Примѣните, хоша маненько къ себѣ, теперешнее мое положенье: середь бѣлаго дня приходятъ и этакой страмъ и поруганье чинятъ. (*Становится на колѣни*). Слезно и на колѣняхъ прошу васъ, обстойте меня, хоша сколько нибудь, и не доводите меня до послѣдняго. Богъ васъ наградитъ за то! (*Кланяется общимъ поклономъ всему міру въ ноги*).

ФЕДОРЪ ПЕТРОВЪ.

Я, другъ любезный, это что? Нечего: по тебѣ говорить надо! (*Лизаветѣ*). Какъ же ты, мужнина жена, сходишь отъ мужа и какъ ты смѣешь-то! Ты спроси, позволитъ ли и баринъ тѣ сдѣлать это.

БУРМИСТРЪ.

Позволено, коли дѣлаютъ. Старый чортъ, сует-

ся туда же! (*Молодому парню*). Говорятъ тебѣ, скорѣй разболокайся и давай полушубокъ и сапоги!

Молодой парень.

Нѣтъ у меня про это ни полушубка, ни сапоговъ. (*Быстро уходитъ*).

Бурмистръ.

О, дьяволъ, грубіянъ — народъ! На, Лизавета, надѣвай мою сибирку. (*Снимаетъ съ себя сибирку*).

Лизавета.

Давайте, судырь! Я въ нее младенца, красавчика моего, заверну, а сама и такъ добѣгу: мнѣ ничего. (*Проворно уходитъ за перегородку*).

Ананій Яковлевъ (*вскакивая и вбѣгая за ней*).

Не дамъ я тебѣ младенца!

Бурмистръ.

Чортъ, прибьетъ еще бабу-то!... свяжите его, ребята, сейчасъ же!

(*Никто изъ мужиковъ не трогается*).

Голосъ Лизаветы.

Подай младенца, подай, а то ослѣплю тебя.

Голосъ Ананья Яковлева.

Ахъ ты, бестія, смѣла еще руку свою поднять на меня. На, вотъ, тебѣ твое поганое отродье! (*раздается страшный ударъ и пронзительный крикъ ребенка*).

Голосъ Лизаветы.

Батюшки, убилъ младенца-то.

Бурмистръ.

Согрѣшили, грѣшные! Говорилъ вамъ, кажется, черти-дьяволы, вяжите его. (*Бьетъ по шеѣ рябаго мужика*).

Рябой мужикъ.

Чего вязать-то?... давайте веревку-то... гдѣ веревка-то?

Давыдъ Ивановъ (*стаскивая съ полицы веревку*).

На вотъ тѣ веревку-то, входи туда!

Рябой мужикъ.

Чего входить?... цапнетъ топоромъ еще, пожалуй. Сунься-ко самъ.

Голосъ Лизаветы.

Батюшки, совсѣмъ ужъ не дышитъ, вся головка раскроена!

Выборный (*несмѣло заглянувъ въ дверь*).

Ничего, значитъ, не цапнетъ: окно высадилъ и убѣгъ.

Бурмистръ.

Караулъ! — бѣй скорѣй въ набатъ и ловите его, окаянный народъ!... что теперь баринъ-то съ нами сдѣлаетъ — пропали наши головы!...

(*Занавѣсъ падаетъ*).

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Зала въ домѣ Чеглова.

ЯВЛЕНІЕ I.

СТРЯПЧІЙ сидитъ и пишетъ за столомъ. У того же стола сидитъ ИСПРАВНИКЪ. Передъ нимъ стоитъ БУРМИСТРЪ.

Исправникъ.

Отвѣчать конечно что будете, отъ чего не остановили его и не заарестовали.

Стряпчій.

Удивительное дѣло это, какимъ образомъ у цѣлой деревни одинъ мужикъ убѣжалъ!

Бурмистръ.

Оробѣли, ваше благородіе, такъ совершенно, что

оробѣли: я въ тѣ поры, какъ онъ въ окно-то махнулъ, почесть двѣ версты за нимъ бѣжалъ, такъ онъ обернется да и грозитъ: «только кто, говоритъ, подойди ко мнѣ, такъ живой на мѣстѣ не останется». Я, ваше благородіе, человѣкъ тоже ужъ немолоденькій: мнѣ не очень съ нимъ совладать; они вонъ пудовъ по семи говядины на башкѣ носятъ.

Исправникъ.

Гдѣ онъ, каналья, можетъ скрываться?... Другая, вѣдь, ужъ недѣля теперь пошла...

Бурмистръ.

По близности ему, ваше благородіе, тутъ быть негдѣ; онъ бы давно ужъ себя заявилъ. Я по первоначалу то и ждалъ, что онъ либо селенье выжжетъ, либо надъ нами кѣмъ что сдѣлаетъ; а коли все благополучно, такъ навѣрнякъ надо полагать, что въ Питеръ махнулъ: мало тамъ развѣ безпашпортныхъ-то проживаетъ. Старуха, теща его, сказывала, что у него тысяча цѣлковыхъ въ карманѣ было, съ экими деньгами вездѣ спокойно проживетъ; а ты вотъ за него мучься и отвѣчай. Только теперь на вашу милость и надежду мы полагаемъ, коли вы защитите и помилуете насъ.

Исправникъ (*грустно усмѣхается*).

Стряпчій (*ядовито*).

Намъ тутъ много дѣлать нечего — старше насъ

членъ есть. Губернаторскихъ-то молокососовъ нынче этихъ развелось. Всю дорогу мнѣ, въ тарантасѣ, объяснялъ, какъ онъ тутъ всю подноготную выкапывать хочетъ.

Бурмистръ.

Позвольте, сдѣлайте милость!.. хошь, конечно, мы теперь точно — мужики-народъ необразованный, а все тоже маненько понимать можемъ такъ, что господинъ этотъ чиновникъ смѣшнѣющій: другой день теперь изволитъ ходить и подъ окнами по избамъ подслушивать, какъ будто кто изъ вотчины можетъ что про господина сказать. Вонъ и Сергѣй Васильичъ приказать мнѣ изволили: «поди, говоритъ, Калистратъ, переговори съ господиномъ исправникомъ и господиномъ стряпчимъ, а что, говоритъ, съ этимъ губернаторскимъ чиновникомъ я и дѣла никакого имѣть не хочу — не стоитъ онъ того!»

Исправникъ.

Сергѣю Васильчу хорошо на насъ указывать, а тутъ какъ послѣ что выдетъ, такъ онъ и въ сторонѣ.

Стряпчій.

Мало еще, что въ сторонѣ, да первый еще тебя передъ губернаторомъ подлецомъ и взяточникомъ и облаетъ... Не съ сегодня мы его знаемъ.

Бурмистръ.

Позвольте, ежели теперича такимъ манеромъ, такъ Сергѣй Васильичъ и знать про то совершенно не долженъ: мнѣ не то что, какъ другому вотчиноначальнику, барину, что-ли, докладывать, али съ вотчины по грошамъ да по гривнамъ сбивать надо. Вонъ я сейчасъ полтораста цѣлковыхъ имѣю и представляю ихъ. Дѣлить только, дуракъ, не умѣю какъ, а деньги готовы (*кладетъ торопливо изъ кармана на столъ 150 цѣлковыхъ*).

Исправникъ.

Брать-то бы еще, братецъ, пока не зачто: ничего еще не сдѣлали.

Бурмистръ

Да это не то, что за дѣло какое нибудь, а такъ только изъ уваженія моего къ вамъ... приношу и земно о томъ только кланяюсь, принять ихъ и не побрезговать.

Исправникъ.

Для чего брезговать — не поганые. (*Къ стряпчему*). Берите, получайте, сколько вамъ слѣдуетъ.

Стряпчій (*продолжая писать*).

Не знаю-съ я, сколько мнѣ, по вашему, слѣдуетъ.

Исправникъ.

Какъ-же не знаете: всегда, кажется, съ вами по братски дѣлили пополамъ, вотъ и тутъ 75 руб. — ровно — берите... (*подвигаетъ стряпчему деньги, тотъ проворно и молча суетъ ихъ въ жилеточный карманъ и снова продолжаетъ писать*).

Исправникъ.

Человѣчикъ ужъ—нечего сказать! (*Обращаясь къ Бурмистру съ ласковостью*). Да что баринъ-то въ самомъ дѣлѣ боленъ, али такъ?

Бурмистръ.

Очекно нездоровы! Горячка, сказываютъ... какъ тогда встревожились... слегли... все хуже и хуже... не знаемъ и живъ останется-ли, — подлецъ и разбойникъ, что надѣлалъ... (*увидя входящаго* сотскаго *съ палкою и бляхою на груди*).

Бурмистръ.

Что тѣ надо! дуракъ! лѣзетъ.

Сотскій.

Нао дъ тамотка согналъ.

Исправникъ (*Стряпчему*).

Давайте спрашивать пока: что-жъ намъ его дожидаться-то.

Стряпчій.

Спрашивайте.

Бурмистръ.

Со старухи Матрены, можетъ, ваше благородіе, изволите начать.

Исправникъ.

Да, хоть съ Матрены.

Бурмистръ. (*сотскому*).

Давай сюда Матрену. (*Сотскій уходитъ*).

Бурмистръ.

А на счетъ болтовни, ваше высокоблагородіе, вы и опасаться не извольте. Сами можете увидать: у меня не то, что старшимъ всѣмъ на ротъ замки повѣшены, а какія малыя ребята были, такъ я и тѣхъ всѣхъ велѣлъ верстъ за тридцать отседова увезти, чтобы лишняго не наболтали.

ЯВЛЕНІЕ II.

МАТРЕНА, робко входя, а за ней и СОТСКІЙ.

Бурмистръ.

Подходи тутъ ближе!... что рыло-то ужъ больно въ землю уткнула. (*Матрена подходитъ*).

Исправникъ.

Какъ тебя зовутъ?

Матрена (*то глядя на потолокъ, то себѣ на ноги*).

Ну, батюшко... Господи.

Исправникъ (*повторяя*).

Какъ тебя зовутъ?

Бурмистръ.

Матреной, ваше высокородіе, вѣрно такъ-съ,—извольте писать.

Исправникъ.

Да точно-ли?

Бурмистръ.

Точно такъ—помилуйте, станемъ ли обманывать; для чего это. (*Стряпчій пишетъ*).

Исправникъ.

Сколько тебѣ отъ роду лѣтъ?

Матрена (*дрожа всѣмъ тѣломъ*).

Ну, батюшко... сударики мои.

Бурмистръ.

Да, старый песъ, сказывай... что и того не говоришь.

МАТРЕНА *(со страхомъ взглядывая на него).*

Я, батюшко, что!... помилуйте.

БУРМИСТРЪ.

Стара, ваше благородіе, извольте писать. Живетъ только старая кочерга, а что оченно стара; на седьмой десятокъ, поди, идетъ. *(Стряпчій пишетъ).*

ИСПРАВНИКЪ.

Какой ты вѣры и бываешь ли на исповѣди и у Святаго причастія?

МАТРЕНА *(продолжая дрожать).*

Ну, батюшко, вѣстимо что...

ИСПРАВНИКЪ.

Что-же такое вѣстимо?

МАТРЕНА.

Вѣстимо, батюшко.

БУРМИСТРЪ.

Бываетъ, ваше благородіе, извольте писать: и въ великій постъ и въ Успенки, чай, исполняетъ это... давно ужъ, тоже поди, къ савану-то себя готовитъ.

Исправникъ (*почесывая въ голове*).

Какимъ это образомъ, баушка, у тебя зять младенца-то убилъ?

Матрена (*еще больше задрожавши*).

Я, батюшко, что!... Господи!

Бурмистръ.

Ея не было, ваше благородіе, совершенно такъ, что не было... Сказывай, что-ли, дьяволъ эдакой, что тебя не было тамъ.

Матрена.

Не было, господинъ бурмистръ, не было.

Стряпчій (*пишетъ*).

Не было, такъ не было.

ЯВЛЕНІЕ III.

ТѢ ЖЕ и ЧИНОВНИКЪ ОСОБЫХЪ ПОРУЧЕНІЙ, — молодой человѣкъ съ выдавшеюся впередъ челюстью, въ франтоватомъ вицмундирѣ, съ длинными, красивыми ногтями и вообще, какъ видно, господинъ изъ честолюбивыхъ, но не изъ умныхъ.

Чиновникъ (*сотскому*).

Тамъ я мужика привелъ!... задержать его, чтобъ

ни съ кѣмъ тутъ не столкнулся. (*Подходитъ съ важностью къ столу*).

Исправникъ (*съ нѣкоторымъ подобострастіемъ*).

Мы ужъ, извините, начали безъ васъ.

Чиновникъ.

И что-же?

Стряпчій (*молча пододвигая къ нему бумагу*).

Показаніе вотъ-съ!

Чиновникъ (*пробѣжавъ бумагу*).

Гмъ! Ничего незнайка по обыкновенію. Ну, ты у меня, старая корга, будешь знать.

Матрена.

Батюшко, Господи!... виновата. (*Кланяется ему въ ноги*).

Чиновникъ (*толкая ее ногой*).

Прочь! еще тутъ съ поклонами!... Нечего съ ней проклажаться: вытащите ее и позовите сюда жену убійцы. (*Съ важностію садится на предсѣдательское мѣсто*).

Бурмистръ (*сотскому*).

Волоки ее, паря, и позови сюда поскоряй Лизавету. (*Сотскій уводитъ Матрену*).

Чиновникъ (*взмахнувъ глазами на Бурмистра*).

Ты что тутъ за распорядитель и зачѣмъ здѣсь въ слѣдственной каморѣ?

Бурмистръ (*струся*).

Такъ какъ, значитъ, ваше высокородіе, народъ тоже, теперича, привелъ сюда.

Чиновникъ.

Это дѣло земской полиціи, а не твое: (*сильно вскрикивая*) пошелъ вонъ! (*Бурмистръ мгновенно скрывается; на встрѣчу ему сотскій вводитъ Лизавету*).

Чиновникъ.

Что ты ее ведешь такимъ образомъ? Оставь ее!

Сотскій.

Никакъ на ногахъ-то, ваше высокородіе, не стоитъ: все, вонъ, и на помостѣ-то тутъ валялась.

Чиновникъ (*строго оффиціальнымъ тономъ*).

Ты-ли жена Ананья Яковлева?

Лизавета.

Я грѣшница... грѣшница... грѣшница (*склоняетъ голову*).

Чиновникъ (*еще строже*).

Съ кѣмъ ты прижила незаконнаго ребенка?

Лизавета (*съ тоской разрывая рубашку*).

Нѣту его батюшка, моего красавчика, нѣту! Убили, отняли его у меня! (*Склоняетъ еще болѣе голову и, вырываясь изъ рукъ сотскаго, падаетъ*).

Чиновникъ.

Держи ее, дуралей!

Сотскій (*поднимая ее*).

Что все падаешь? Постой хоть немного передъ начальствомъ-то!

Чиновникъ.

Притворщица какая, — а?

Исправникъ.

Какое ужъ тутъ притворщица... человѣкъ совсѣмъ, какъ видно, ошеломленый.

Сотскій.

Въ тѣ поры, ваше благородіе, какъ младенца-то убили, какъ ухватила его: руки окоченѣли.... я прибѣжалъ и едва, почесть, выцарапалъ его у ней, а теперь только то и вопитъ, что грѣшница да

грѣшница... Въ разсудкѣ что-ли маненько тронулась?

Чиновникъ.

Я приведу ее въ разсудокъ. Она у меня сейчасъ опомнится. Я не изъ чувствительныхъ и все знаю, какъ дѣло шло и происходило, сколько тутъ ни замазывали. Не пускать ее и посадить вотъ тутъ на кресло, и позвать этого мужика изъ сѣней... Я ей вотру въ рожу краску, коли она совсѣмъ ее потеряла.

Сотскій (*отводя въ сторону Лизавету и заглядывая въ дверь*).

Кликните, ребята, тутъ Никона сюды. (*Сажаетъ Лизавету на кресло*). Ну, садись вотъ тутъ... не хочешь ли водицы испить?

Лизавета (*безсмысленно на него взглядываетъ и начинаетъ опять всхлипывать*).

Сотскій.

Ну-ну, не стану: нишкни только!

Чиновникъ (*со злобою глядя на нихъ*).

Ахъ, вы-шельма народъ! я всѣхъ васъ переберу и земскую полицію тутъ же вмѣстѣ... только

пакости и мерзости заведены по всему уѣзду: убійство сдѣлали да и убійцу убрали, чтобы совсѣмъ концы спрятать.

ЯВЛЕНІЕ VI.

ТѢ ЖЕ и НИКОНЪ.

Никонъ (*показываясь въ дверяхъ и обращаясь къ мужикамъ*).

О черти-дьяволы-право! Я завсегда могу быть передъ господами чиновниками, — что вы? (*Въ это время показывается Золотиловъ. Никонъ вытягивается*).

Золотиловъ.

Позвольте, господа, мнѣ побесѣдовать тутъ. Я, какъ мѣстный предводитель, имѣю, кажется, на это нѣкоторое право.

Чиновникъ.

Сдѣлайте одолженіе. (*Къ Никону*). Поди сюда. (*Тотъ подходитъ неровными шагами*). Говори, что ты мнѣ давича разсказывалъ.

Никонъ.

Говорить надо то, ваше высокородіе, по бо-

жески, значитъ: съ Анашкой мы, теперича, ѣхали... мало разѣ у насъ пановшины-то съ нимъ было. Пьяный человѣкъ, извѣстно, ваше благородіе, колабродитъ.

Исправникъ. (*покачавъ головой*).

Самъ-то бы лучше зѣнки-то хорошенько продралъ; а то, ишь, рожа-то у канальи: чертей въ лѣсу пугать.

Никонъ.

Это вѣрно такъ, ваше высокородіе, потому самому, что я человѣкъ порченый: первый, можетъ, мастеръ въ амперіи былъ, а чтобы, теперича, хозяина уважать... никогда того не моги: цыцъ! стой! Слушай, значитъ, онъ моей команды... такъ вѣдь тоже, ваше высокородіе, горько и обидно стало то: «на-ста, говоритъ, тысячу цѣлковыхъ и отшути ему эту шутку...» человѣкъ, значитъ, и погибать чрезъ то долженъ, — помилуйте!

Чиновникъ.

Имѣлъ ли господинъ вашъ связь съ женой Ананья?

Никонъ.

Было, ваше высокородіе, совершенно такъ, что происходило это: баринъ у насъ, помилуйте,

молодой, ловкій... А баба наша, что она и вся-то значитъ, тфу! того-же куричьяго званія: взялъ ее сейчасъ теперь подъ папоротки, вся ея и сила въ томъ... баринъ мнѣ, теперича, приказываетъ: «Никашка, говоритъ, на какую ты мнѣ, братецъ, бабу поукажешь...» «Помилуйте, говорю, судырь, на какую только мановеніемъ руки нашей сдѣлаемъ, та и будетъ наша...» вѣрно такъ!

Чиновникъ (*перебивая его*).

Дѣйствительно ли эта женщина имѣла незаконнаго ребенка?

Никонъ.

Пригульной, ваше высокородіе, мальчикъ былъ... не сказываютъ только, потому самому, что народъ эхидный... Мы-ста, да мы-ста; а что вы-ста? мы сами тоже съ усами... У меня, ваше высокородіе, своя дочка есть... «какъ, говорю, бестія, ты можешь?... цыцъ, стой на своемъ мѣстѣ...» потому самому, ваше высокородіе, что я корень такой знаю... какъ сейчасъ, теперь, обвелъ кругомъ человѣка, такъ и не видать его... хошь восемь тысячъ цѣлковыхъ онъ бери тутъ, не видать его.

Исправникъ (*махнувъ рукою*).

Чортъ знаетъ, что такое городитъ.

Чиновникъ (*стряпчему*).

Запишите его показаніе. (*Тотъ только взглядываетъ на него*).

Золотиловъ.

Я полагаю, господа, что нельзя этого записывать, потому что онъ мертвецки пьянъ, на ногахъ не стоитъ.

Никонъ (*пріосанясь*).

Никакъ нѣтъ-съ, помилуйте! Я только то, что человѣкъ, значитъ, нездоровый: московской части, теперь, третьяго квартала, въ больницѣ тоже семь мѣсяцевъ лежалъ, а тамъ, какъ сейчасъ привели нашего брата, сейчасъ его въ воду, въ кипятокъ самый, сажаютъ, за-неволю, батюшка, Сергѣй Васильичъ, у кажиннаго человѣка разслабятъ всякіе суставы въ немъ, какіе есть.

Чиновникъ.

Молчи! Это наконецъ не служба, а каторга становится (*хватаетъ себя за голову*).

ЯВЛЕНІЕ V.

ТѢ ЖЕ и ДАВЫДЪ ИВАНОВЪ.

Давыдъ Ивановъ.

Ананья, ваше благородіе, я поималъ и привелъ. (*Чиновникъ воспрянываетъ головой*).

Исправникъ (*съ удовольствіемъ*).

Ну, вотъ, слава Богу.

Сотскій (*крестясь*).

Слава тѣ Господи!

Золотиловъ (*Давыду Иванову ужъ съ неудовольствіемъ*).

Гдѣ же ты поймалъ его?

Давыдъ Ивановъ.

Я, батюшко, Сергѣй Васильичъ, виноватъ тоже, значитъ: на своей полоскѣ боронилъ, глядь, онъ и выходитъ изъ подъ Утробина, изъ лѣсу. «Давыдъ Ивановъ, говоритъ, это ты?» «Я говорю, я.» «Что, говоритъ, начальство меня ищутъ?» «Ищутъ, говорю, братъ.» «Веди, говоритъ, меня къ нимъ, хочешь связаннаго, а хочешь такъ...» «Что, я говорю, мнѣ тя связывать.»

Чиновникъ.

Кто жъ ему тутъ пристаннодержательствовалъ?

Давыдъ Ивановъ.

Объ этомъ, ваше благородіе, тоже разговору не было. Я тоже-тка все поодаль отъ него шелъ... опасно было: человѣкъ въ эдакой отчаянности, пожалуй, что и сдѣлаетъ надъ тобой.

Чиновникъ (*сотскому*).

Поди, введи его сюда!

Сотскій.

Какъ ее-то, ваше благородіе, прикинуть тутъ. Все вонъ понаваливается, поприддерживаешь ее маленько.

Чиновникъ (*вскрикивая*).

А хоть бы она сквозь землю провалилась, дуракъ эдакой.

Исправникъ (*вставая*).

Бурмистръ его можетъ привести. (*Подходя къ дверямъ*). Скажите Калистрату, чтобъ ввелъ сюда Ананья.

Чиновникъ.

Съ кандалами на рукахъ и на ногахъ.

Исправникъ (*повторяя*).

Скованнымъ.

Голосъ за стѣной.

Слушаемъ, ваше благородіе.

Чиновникъ (*стряпчему*).

Что же вы?

Стряпчій.

Пишу-съ, только какъ вѣдь тутъ,—я не знаю...

Золотиловъ (*вставая на ноги*).

Я опять вамъ повторяю, господа, что нельзя этого писать. Въ противномъ случаѣ я войду съ отдѣльнымъ мнѣніемъ.

Чиновникъ.

Я въ вашемъ мнѣніи совершенно не нуждаюсь.

Золотиловъ.

А я васъ буду просить нуждаться въ немъ. Если бы дѣло шло о какой нибудь пропавшей лошади или коровѣ, вы бы могли быть свободны въ вашихъ дѣйствіяхъ — законныхъ и незаконныхъ; но когда оно касается дворянства, которому я имѣю честь служить, я всегда тутъ буду имѣть свой голосъ. Г. Исправникъ, вы тоже избраны нами, а потому не угодно-ли вамъ сказать ваше мнѣніе.

Исправникъ (*струся*).

Пьяныхъ, конечно что-съ, не велѣно спрашивать.

Золотиловъ.

Но кромѣ этого, господа, поймите вы главное то, что вы тутъ пьяницу мужика ставите на одну доску съ дворяниномъ, который, смѣю васъ завѣрить, ничѣмъ не запятналъ себя въ уѣздѣ...

Чиновникъ (*перебивая его*).

Я служу правительству, а не дворянству, и во

всякомъ случаѣ прошу васъ прекратить нашъ споръ, потому что убійца приведенъ.

ЯВЛЕНІЕ VI.

Показывается АНАНІЙ ЯКОВЛЕВЪ съ кандалами на рукахъ и на ногахъ. Выраженіе лица его истощенное и совершенно страдальческое. Въ дверяхъ набивается толпа мужиковъ и бабъ.

Одна изъ бабъ.

Какой, мать, худой да ненарядный сталъ.

Мужикъ.

Самъ пришелъ — ну-ко? (*Ананій Яковлевъ прямо подходитъ къ столу. Бурмистръ становится поодаль*).

Чиновникъ (*оглядывая Ананія*).

Молодецъ славный! хоть тысячу плетей, такъ вынесетъ. (*Исправнику*). Опросите его заголовокъ!

Исправникъ.

Сколько тебѣ отъ роду лѣтъ?

Ананій Яковлевъ.

Тридцать бы словно шесть минуло. (*Лизавета, услышавши голосъ мужа, начинаетъ всхлипывать. Ананій Яковлевъ вздрагиваетъ*).

Сотскій (*унимая ее*).

Ну, полно, полно.

Исправникъ (*Ананію Яковлеву*).

Какой ты вѣры и бываешь-ли на исповѣди и у Святаго причастія?

Ананій Яковлевъ.

Вѣры церковной, и ко Святымъ Тайнамъ ходилъ тоже въ Питерѣ кажинный годъ.

(*Лизавета еще сильнѣе начинаетъ рыдать и вытягивается всѣмъ тѣломъ*).

Сотскій (*Лизаветѣ*).

Перестань,—право нишкни; а то хуже-тко накажутъ.

Ананій Яковлевъ (*блѣднѣя и нетвердымъ голосомъ*).

Прикажите, ваше высокородіе, ее, несчастную, отсюда вывести: и мнѣ то ужъ тоже оченно не переносно.

Чиновникъ (*злобно смотря на него*).

Нѣтъ-съ, я этого не сдѣлаю; а нарочно буду ее держать, чтобы ты совѣсть почувствовалъ и говорилъ правду.

(*Ананій Яковлевъ потупляетъ только голову*).

Чиновникъ.

Гдѣ жъ ты все это время пробывалъ?

Ананій Яковлевъ.

Въ лѣсу на пустошахъ жилъ.

Чиновникъ (*значительно*).

Я думаю. Кто жъ тебѣ туда пищу доставлялъ?

Ананій Яковлевъ.

Какая ужъ пища, — кто ее доставитъ? въ первый-то день, только какъ ужъ очень въ горлѣ пересохнетъ, таки водицы изопьешь; а тутъ опосля тоже... все еще видно плоть-то человѣческая немощна... осилитъ всякаго... не вытерпѣлъ тоже... и на дорогу вышелъ: женщина тутъ на задѣлье ѣхала, такъ у ней коровай хлѣба купилъ, только тѣмъ и питался.

Чиновникъ.

Зачѣмъ же ты сдался? и жилъ бы тамъ въ пустынѣ, питался акридами.

Ананій Яковлевъ.

Не жизни, судырь, я тамотка искать ходилъ, а смерти чаялъ: не растерзаютъ ли, по крайности, думалъ, хотя звѣри лѣсные... отъ суда человѣческаго можно убѣжать и спрятаться, а отъ Божьяго некуда!

Чиновникъ.

Гмъ! Философъ какой! А давно ли и съ кѣмъ именно жена твоя имѣла связь?

(*Ананій Яковлевъ молчитъ*).

Чиновникъ.

Можетъ быть, съ бариномъ?

Ананій Яковлевъ (*краснѣя и потупляя глаза*).

Ничего я того, судырь, не знаю... и, кажись, это и къ дѣлу вовсе не касающееся.

Чиновникъ.

А, не касающееся! Вслѣдствіе чего же ты убилъ младенца?

Ананій Яковлевъ (*еще ниже потупляя голову*).

Убилъ... что дѣло въ азартѣ было.

Чиновникъ.

А отъ чего же самый азартъ этотъ произошелъ?

Ананій Яковлевъ (*тяжело вздыхая*).

Отъ того, что я съ малолѣтства, видно, окаяннымъ человѣкомъ на свѣтѣ былъ: на всякую малость гнѣвъ свой срывалъ да не сдерживалъ себя; все это теперь чувствуешь и понимаешь, какъ адъ-то кромѣшный разверзся передъ тобою со всѣхъ сторонъ.

Чиновникъ.

Объ адѣ поминаешь, а самъ лжешь. Взгляни-ка на образъ и повтори, что ты сказалъ. (*Ананій Яковлевъ потупляетъ глаза*).

Чиновникъ.

Ну, гляди же! Ахъ ты шельма, мерзавецъ!...

Ни Бога, ни совѣсти! (*Къ Никону*) Поди! уличай его!

Никонъ.

Что мнѣ, ваше благородье, уличать его?... Нечего! Не очень они насъ, стариковъ, слушаютъ... ты его наставляешь на хорошее: «дѣлай-мо, паря, такъ и такъ...» такъ онъ тебя только облаетъ... Я самъ, ваше благородье, питерецъ коренной: не супротивъ ихъ, можетъ, человѣкъ былъ; мнѣ тоже горько переносить отъ нихъ это, — помилуйте! (*плачетъ*).

Чиновникъ.

Ты говорилъ, что жена его была въ связи съ баркиномъ?

Никонъ.

Али нѣту? Она сама, ваше благородье, тутъ сидитъ?... Что не говоришь?... Сказывай, чертовка!... Намъ васъ тоже прикрывать не изъ чего!.. Немного, ваше благородье, отъ нихъ вина-то видѣли... свое пьемъ, — вѣрно такъ! Вонъ онъ изъ Питера пришелъ... полштофчикомъ поклонился, да и шабашъ на томъ.

(*Лизавета снова начинаетъ рыдать. Сотскій зажимаетъ ей ротъ*).

Чиновникъ.

О, чортъ, кричитъ тутъ! Выведите ее!

Сотскій (*уводя Лизавету*).

Пойдемъ : экая какая ты ! (*Ананій Яковлевъ смотритъ съ чувствомъ въ слѣдъ за женою*).

Чиновникъ (*указывая Ананью Яковлеву на Никона*).

Что жъ ? возражай ему !

Ананій Яковлевъ.

Нечего мнѣ, судырь , возражать ; пускай болтаетъ, что хочетъ ; а я только то и знаю, что мой грѣхъ до меня, видно, пришелъ, и никто тому не причиненъ.

Золотиловъ.

Эти слова его, господа, не угодно ли вамъ записать ?

Чиновникъ.

Нѣтъ, не угодно ; потому что я знаю и другихъ сообщниковъ. (*Показываетъ на бурмистра*). Вонъ одинъ тутъ на лицо. (*Колотя по столу*). Ты у меня, рожа твоя подлая, сегодня послѣдній день не въ кандалахъ, и одно твое спасеніе, если ты станешь говорить правду.

Бурмистръ. (*блѣднѣя*).

Мнѣ, ваше благородіе, лгать тоже тутъ не гляче, — дѣло мое стороннее !... Какъ передъ Богомъ, такъ и передъ вами доложить, что я ни про што, почесть, тутъ совершенно неизвѣстенъ.

Чиновникъ (*вставая и подходя къ нему*).

А! ты неизвѣстенъ, неизвѣстенъ!...

Бурмистръ (*пятясь*).

Совершенно такъ, ваше благородіе.

Чиновникъ.

Неизвѣстенъ, борода твоя скверная!! (*Хватая его за бороду и таская*). Неизвѣстенъ, какъ приходилъ къ нему съ народомъ и уводилъ отъ него насильно жену!...

Бурмистръ (*вставая на колѣни*).

Въ томъ точно что, ваше благородіе, виноваты, значитъ... мы люди подчиненные, сами изволите знать: что прикажутъ намъ, то мы и дѣлаемъ.

Чиновникъ.

Значитъ, ты приходилъ къ нему?

Бурмистръ.

Помилуйте, ваше благородіе, господинъ теперь приказываетъ, чтобъ онъ бабу не забижалъ, а онъ промежъ тѣмъ бьетъ и тиранитъ ее... долженъ же я, по своей должности проклятой бурмистерской, былъ остановить его.

(*Золотиловъ показываетъ Бурмистру кулакъ*).

Чиновникъ *(обращаясь къ Ананью)*.

Какъ же ты говоришь, что никто въ твоемъ дѣлѣ не причиненъ?

Ананій Яковлевъ (*съ презрѣніемъ взглядывая на Бурмистра*).

Коли говоритъ на себя, пускай по его будетъ... а я ничего того не помню и не знаю.

Чиновникъ (*пожимая плечами*).

О-то дуракъ, дуракъ!

Бурмистръ *(вставая)*.

Ваше благородіе, теперь бить да наказывать ни за што, ни про што изволите... за неволю наболтаешь, чего никогда, отродясь, и не бывало...

Чиновникъ *(повертываясь къ нему)*.

Опять уже не бывало — а?... Сотскаго сюда, коли такъ... давайте мнѣ сотскихъ сюда...

Сотскій (*является*).

Чиновникъ (*показывая на Бурмистра*).

Заковать его сейчасъ въ кандалы и въ холодную избу посадить.

Сотскій.

Нарукавниковъ-то другихъ, ваше благородіе, нѣту.

Чиновникъ *(колотя его)*.

Ты у меня, бестія, гдѣ хочешь возьми да закуй его.

Сотскій (*струся*).

Пойдемте-съ.

Бурмистръ.

Хоша на огнѣ, ваше благородіе, палить прикажите, — я ни въ чемъ тутъ невиноватъ.

Чиновникъ (*ударя себя въ грудь*).

Иди, говорятъ тебѣ, покуда я не убилъ тебя на мѣстѣ.

ЯВЛЕНІЕ V.

Чиновникъ (*нѣкоторое время ходитъ по комнатѣ въ сильномъ азартѣ, а потомъ обращается къ Ананью*).

А ты — дуракъ, совершенный дуракъ! Пойми ты, рожа твоя глупая, что когда ты докажешь, что у жены твоей былъ незаконный ребенокъ, ты наказанье себѣ облегчишь: вмѣсто того, чтобъ тебя, каналью, отдать подъ кнутъ, сошлютъ, можетъ быть, только на покаяніе.

Ананій Яковлевъ.

Все это, сударь, я самъ оченно знаю, но и себя тоже чувствуешь: ежели, паче чаянія, что и сдѣлали они супротивъ меня, не мнѣ ихъ судьей и докащикомъ быть: мой грѣхъ больше всѣхъ

ихныхъ, и наказанье себѣ облегчить нисколько того не желаю; помоги только Богъ съ терпѣньемъ перенесть, а что хоша бы муки смертныя принять готовъ, авось хоша за то мало-мальски будетъ прощенье моему великому прегрѣшенью.

Чиновникъ.

Нѣтъ, ты не Богу, а тому же дьяволу хочешь служить, потому что подкупленъ.

Ананій Яковлевъ (*горько улыбаясь*).

Не для чего мнѣ, судырь, теперь ни на какой подкупъ идти: я вотъ свои, кровнымъ трудомъ нажитые, 500 цѣлковыхъ имѣю и тѣ представляю... (*Вынимая и кладя на столъ деньги*). Такъ какъ теперь тоже, можетъ, доступу ко мнѣ не будетъ, такъ я желаю, чтобы священникъ нашъ ихъ принялъ. Дѣло мое они знаютъ и какъ имъ угодно: младенца ли на нихъ поминать, въ церковь ли примутъ, али сродственникамъ — семейству моему — раздадутъ, — ихняя воля; а мнѣ они не для чевы?

Чиновникъ.

Какой благочестивый. Ахъ, вы окаянный народецъ! человѣка убилъ да свѣчку потолще поставилъ, и думаетъ, что Богъ проститъ ему. Нѣтъ, онъ лучше бы помиловалъ тебя, какъ бы ты говорилъ правду.

Золотиловъ.

Какую еще правду ему говорить? Вы бьете и сажаете въ кандалы людей, заставляя ихъ пристрастныя показанья дѣлать, обѣщаете преступнику облегчить наказанье съ тѣмъ только, чтобъ онъ оговаривалъ... (*Обращаясь къ стряпчему и исправнику*). Не угодно ли, господа, обо всемъ этомъ составить особое постановленіе?

Чиновникъ (*вставая и беря фуражку*).

Сколько вамъ угодно, я ничего не боюсь и сейчасъ ѣду къ губернатору, потому что тутъ всѣ въ стачкѣ: и мужики, и чиновники. Пускай пришлютъ, кого хотятъ... (*Уходитъ*).

Исправникъ.

Вотъ дуракъ-то! наболталъ онъ тутъ: пропадешь ни за грошъ.

Золотиловъ.

Никогда этого быть не можетъ. Я самъ поѣду къ губернатору и объяснюсь... Нельзя же какому нибудь мальчишкѣ молокососу выдавать дворянина съ руками и ногами.

Исправникъ.

Извѣстно что-съ.

ЯВЛЕНІЕ VI.

ТѢ ЖЕ и СОТСКІЙ.

Сотскій.

Господинъ чиновникъ, ваше благородіе, Ананья приказалъ безпремѣнно, чтобъ сейчасъ въ острогъ подъ карауломъ справить.

(*Всѣ потупляются. Ананій Яковлевъ слегка блѣднѣетъ. Между тѣмъ въ комнату набираются мужики и бабы, и между ними Матрена вводитъ подъ руку Лизавету*).

Исправникъ.

А бурмистра что же? тоже?

Сотскій.

Бурмистра, ваше благородіе, они простили-съ... Разъ пятнадцать, пожалуй, имъ въ ноги поклонился: «коли, говорилъ, начальство теперь станетъ меня спрашивать, я все доложу.»

Исправникъ.

Гмъ?.. собирайте, значитъ, подводу. (*Ананью*) Отправляйся, братецъ, дѣлать нечего.

Ананій Яковлевъ.

Позвольте, ваше благородіе, поклониться народу.

Исправникъ.

Сдѣлай милость.

Ананій Яковлевъ. (*кланяется*).

Простите меня, христіане православные. (*Начинаетъ со всѣми цѣловаться и съ первымъ Бурмистромъ, а потомъ и съ прочими мужиками*).

Давыдъ Ивановъ.

Прощай, Ананій Яковличъ.... виноватъ, братъ, что привелъ тя... самъ просился.

Никонъ (*обливаясь слезами*).

Всѣ тамъ, Анаша, будемъ, всѣ — до единова...

(*Ананій подходитъ къ матерѣ и женѣ. Та бросается ему сначала на руки. Онъ цѣлуетъ ее въ голову. Она упадаетъ и обнимаетъ его ноги*).

Ананій Яковлевъ.

Отнимите ее маненько. (*Потомъ прощаясь съ Матреной*). Прощайте-съ... благословите, коли не очень гнѣваетесь. (*Матрена его креститъ. Онъ снова обращаясь къ народу*). Еще разъ земно кланяюсь: не помяните меня окаяннаго лихомъ и помолитесь о моей душѣ грѣшной! (*Уходитъ*).

(*Всѣ его провожаютъ;* Матрена *съ другими бабами начинаютъ выть*: «уѣзжаетъ нашъ батюшка, отходитъ наше красное солнышко»).

(*Занавѣсъ падаетъ*).

КОНЕЦЪ.

2/3

Цѣна 1 руб. сер.

